

Сергей
Шаповалов

Император

Книга первая

«Павел»

16+

Сергей Шаповалов

Император. Книга первая. Павел

«Автор»

2020

Шаповалов С. А.

Император. Книга первая. Павел / С. А. Шаповалов — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-93130-5

Исторический роман "Император" открывает первая книга, рассказывающая о конце царствования императрицы Екатерины. На престол всходит новый император Павел Первый. Россию ждут большие перемены. Сын ненавидит всё, созданное матерью, но в то же время опасается могущественной государственной машины, устроенной Екатериной. Интриги, борьба за власть, новые лица в управлении огромной, неповоротливой Россией.

ISBN 978-5-532-93130-5

© Шаповалов С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Попутчик	5
Гатчинское государство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Шаповалов

Император. Книга первая. Павел

Попутчик

Уж так сложилась судьба. Я покинул отеческий дом, когда мне едва исполнилось четырнадцать. Отец мой, капитан от инфантерии, Добров Иван Иванович скончался от ран, полученных в Шведской компании. У Керникоски, весной, года одна тысяча семьсот девяностого он командовал ротой гренадёров гвардии Семёновского полка, где и был исколот штыками. Хоть батюшка мой и выжил после боя, но протянул недолго. От него осталось небольшое имение в Новгородской губернии с ветхой усадьбой, пашней в три десятины и куском болотистого леса. В подчинение две деревеньки, да около сорока душ крепостных. Доходы от имения были невелики, отчего семья наша еле сводила концы с концами. Семья моя: мама, Инна Вольговна, урождённая Кейр и трое моих младших братьев.

Дед мой по матери, обнищавший шотландский дворянин попал в Россию при Петре Великом, когда государь молодой Российской империи нанимал иностранцев и платил им щедро. Дед служил в армии мушкетёром, сгинул где-то в Персидском походе. По отцу предки шли ещё со стрельцов, но никогда не добивались высоких должностей, посему род считался бедным.

Дела наши после холодного неурожайного лета становились все хуже и хуже. Уж не знаю, что со мной было бы дальше. Возможно, я поступил бы на службу писарем в Новгородскую управу, или же другой какой мелкий чин получил. Но случилось так, что меня призвал к себе наш предводитель дворянства и сообщил, что благодаря героическим заслугам моего отца, я был ещё десять лет назад приписан на действительную службу в гвардии Семёновский полк. По малолетству, как тогда водилось, отправлен в учебный отпуск. И если мне будет угодно, я могу прибыть в Санкт-Петербург и восстановиться на службу.

В Петербург! В гвардию! Да разве мог я о таком мечтать!

Вот это – счастье подвалило! Я, недоросль из бедных шляхтичей – и в гвардию! Есть в мире высшая справедливость! Есть Бог!

Предводитель местного дворянства, добрейший человек, одолжил мне пятьдесят рублей ассигнациями на дорогу и вручил рекомендательное письмо.

Долгих сборов не понадобилось. Я надел отцовский потёртый сюртук, натянул отцовские истоптанные ботфорты, на голову – старую отцовскую треуголку с потрёпанными перьями, на пояс – его боевую шпагу. Братьям наказал беречь маму. Мама всплакнула, перекрестила на дорогу и отпустила с Богом.

И вот я, Семён Иванович Добров, пустился в первое моё странствие из глухого губернского закоулка Новгородской губернии в сияющий Петербург.

Дорога оказалась не из лёгких: поздняя осень, раскисшие дороги, холодные почтовые станции, где я просиживал долгие часы в ожидании экипажей с нарочными курьерами. Но меня согревала мечта о светлом красивом городе и о моей будущей службе. Я представлял себе военные парады. Я – гвардеец в красивом мундире. Дальние походы со славными батальонами... Чем только я не грезил, сидя в убогих харчевнях при почтовых станциях или трясясь в неудобных казённых экипажах.

Нудное, длинное моё странствие подходило к концу, когда произошла неожиданная встреча, которая перевернула всю мою дальнейшую судьбу.

* * *

Широкая ровная дорога, усыпанная пожухшей листвой, уходила вдаль к далёким пологим холмам, разрезая лес. Позвякивали бубенцы. Двойка неказистых серых лошадок тащила

почтовую карету с маленькими окошками. Стекла серые от дорожной грязи. Кучер иногда покрикивал на лошадей. Колеса на оси жалобно поскрипывали, убаюкивая меня.

– Стой, стой! – послышалось снаружи.

Карета остановилась.

– Далеко до Гатчинского замка? – спросил сильный мужской голос.

– Вёрст десять, ваше благородие, – ответил кучер. – Вам в Гатчину надо?

– Нет! Упаси боже, – ответил незнакомец. – А станция с трактиром есть поблизости?

– Так, в полуверсты.

– Подвезёшь за пятак? У моей кареты колесо слетело.

Пока кузнец возится, я, хотя бы, пообедаю.

– Садитесь, ваше благородие. – Кучер прыгнул с козелков и любезно распахнул дверцу. – Я нынче налегке. Только мешок с письмами, да недоросль подсел на предыдущей станции.

Согнувшись, в карету втиснулся офицер. Плюхнулся на жёсткое сиденье, толкнув локтем мешок с письмами. Офицер был высок, складен, но слегка худощав. Белокурые волосы были завиты буклями на висках, а сзади стянуты в плотную косичку, повязанную чёрной шёлковой ленточкой. Бледная кожа на чисто выбритых щеках. Холодный, немного надменный взгляд выдавал в нем потомственного аристократа. Дорогой бархатный камзол темно-синего цвета с двумя рядами серебряных пуговиц небрежно расстегнут, открывая белоснежную сорочку с шёлковым галстуком. Галстук скрепляла на горле золотая брошь с изумрудами. На руках тонкие кожаные перчатки. Трость с массивным серебряным набалдашником.

– Моё почтение! Панин, Никита Петрович, – представился он. – С кем имею честь путешествовать?

– Добров, Семён Иванович, – ответил я. – Из Новгородской губернии. Шляхтич.

– Ну, это понятно, что дворянин, по вашей шпаге, сударь, да по лицу. А что лицо-то такое чумазое? – недовольно спросил он тоном, привыкшим командовать.

– А, это... нынче у печки спал в почтовой гостинице, – смущаясь, ответил я. – А печку углём топили. Коптила несносно. Чуть не угорел.

– Куда же путь держите? – поинтересовался офицер.

– В Петербург.

– И что вас туда потянуло? Вы один путешествуете?

– Один, – ответил я. – Желаю поступить на службу. С малолетства приписан к полку.

– А, понятно, – разочарованно протянул офицер. – Знакомая история. Младенцев приписывают к полку рядовыми, затем отсылают в учебный отпуск, а звание им повышают регулярно.

– Так, точно-с, – вынужден был согласиться я, хотя его насмешливый тон мне не понравился.

– Ох, не люблю я этих младенцев – рядовых, – честно признался офицер, строго взглянув на меня. – Сидели бы дома. Вас и так в чине бы повысили.

Я промолчал. Знал бы он, отчего я трясусь какую уже неделю по осенним дорогам. Ему-то что? Вон, камзол какой красивый. Одна пуговица стоит, наверное, рублей пять. А сапоги. Я таких хороших сапог сроду не видывал. Подумаешь, выискался правдоборец.

– К какому, хоть, полку приписаны, вы, безусый юнец? – вновь обратился ко мне попутчик с лёгким презрением.

– К Семёновскому, – нехотя ответил я.

– К Семёновскому? – возмущённо воскликнул офицер. – Так вы ещё и гвардеец? Тогда я должен снять перед вами шляпу.

– Довольно вам смеяться надо мной! – Во мне вскипела обида. – Я же не виноват, что меня отец приписал к гвардейскому полку. А сидеть дома я нынче не могу.

– И почему же? Кровь играет? На подвиги тянет? Скука в глуши заела?

– Семья наша, хоть из древнего шляхетского рода, но бедная. У меня трое младших братьев. Не желаю быть обузой для матери...

– Станция! – прервал кучер мои жаркие объяснения. Карета остановилась.

Офицер тут же выскочил наружу, недослушав меня. Я вылез следом, разминая затёкшие, от долгого сидения, ноги.

Перед нами предстал косою почерневший бревенчатый сруб с маленькими окошками. Из трубы валил дымок. Двор грязный, без забора. На дощатый нужник – просто противно смотреть. Конюшня из жиденьких жердей, и смердело оттуда несносно. В конюшне помимо почтовых, перекладных лошадей стояли высокие армейские кони, лениво жевали овёс. В углу свалены в кучу седла. На ржавом гвозде, наискось вбитом в стену, висел перемёт с двумя штуцерами в чехлах.

Из станции взрывами доносился хохот, и чей-то высокий голос визгливо читал стихи. Слов не разобрать, но что-то весёлое. Распахнулась дверь. Выбежал кругленький, простоволосый хозяин в засаленной косоворотке и льняном фартуке.

– Ваше благородие, желаете отдохнуть? – заискивающе спросил он.

– А что у тебя там за шум? – спросил мой попутчик.

– Господа офицеры из отпуска возвращаются. Вот, празднуют.

Панин ещё раз взглянул на лошадей.

– Гвардейцы?

– Так точно-с. Не желаете пройти в гостиницу?

Не желаю, – решительно ответил Панин. – Терпеть не могу эту пьянь гвардейскую.

– А как же тогда? – растерялся хозяин станции. – Откушать, винца испить?

– Вот что... – Панин по-хозяйски огляделся, заметил несколько бочек. Одна большая стояла вверх дном. – Принеси-ка мне водочки хорошей вот сюда, – указал он на бочку. – Да на закуску – огурцов солёных. И что там у тебя ещё есть: сало, хлеба ржаного, мёд неси.... Давай, живо.

Ишь, как распоряжается, подумал я. Сразу видно, из высоких чинов. Эх, сапоги на нем ладные, из мягкой кожи скроены. Сюртук весь канителью расшит.

– Сию секунду, – поклонился хозяин и быстро побежал обратно.

Никита Петрович, как представился мой попутчик, подошёл к бочке, смахнул скрюченные дубовые листья. Косо посмотрел на меня. Я демонстративно отвернулся.

– Подите сюда, гвардеец. Вы уж не обижайтесь на меня. Нрав у меня такой, крутой. Ну что я поделаю? – вдруг дружелюбно сказал он.

Я нехотя подошёл.

– Так что, Семён из Семёновского полка, поведайте все же, на кой ляд вам эта служба? Думаете, жалование дадут большое? Так оно у вас все на обмундирование уйдёт, да на попойки. Вон, слышите, как гвардейцы отдыхают?

Из станции вновь выкатился хозяин с подносом, уставленным снедью. Подбежал, поставил поднос на бочку. В две стеклянных рюмочки налил водки.

– Семён Иванович, прошу вас, – указал на рюмки Панин.

– Простите, но мне ещё рано, – попробовал отказаться я. Никогда в жизни не пил водки. Вино – и то один бокал по великим праздникам.

– Гвардейцу никогда не рано. Коль попали в Петербург, все равно начнёте.

Панин проглотил стопку, поморщился и захрустел солёным огурцом. Что ж, надо приучать себя к столичной жизни. Как не противилась моя натура, я все же взял рюмку и, подражая своему попутчику, глотнул водку. Она сначала показалась ледяной, потом вдруг вспыхнула огнём у меня в горле. Я чуть не задохнулся, зашёлся кашлем. Панин похлопал меня по спине и сунул в нос краюху ржаного хлеба.

– С боевым крещением вас, сударь, – засмеялся он. – Я, пожалуй, ещё одну выпью, а вам – достаточно. Вы ешьте, ешьте. Салыца побольше на хлеб кладите.

Панин опрокинул вторую рюмку. Лицо его порозовело и подобрело.

– Так, как, говорите, ваша фамилия?

– Добров. По отцу Иванович.

Постой-ка, – что-то начал вспоминать Он. – Иван Добров. Знакомое имя. Воевал ли где ваш папенька?

– В Шведскую компанию. Был ранен под Кернической. . . .

– Постой, постой! – воскликнул обрадованно Панин. – Иван Иванович Добров, капитан?

– Так точно-с.

– Господи, да он же для нас, молодых дурней-офицеров отцом родным был! А чего же вы раньше молчали? Эх, вы, скромняга. – Он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не подавился. – Да ваш отец – герой! Я же помню, как его изранили в штыковой, – живого места не было. С него тогда сюртук стянули, сукно от крови набухло – хоть выжимай. . . . Да, были дела. – Он вновь захрумкал огурцом. – Вот, так встреча! Как нынче Иван Иванович поживает?

– Так, представился, – вздохнул я. – Полгода уж прошло.

От ран все. Болел долго. . . .

Панин изменился в лице, побледнел, выплюнул не дожёванный огурец, снял треуголку и перекрестился:

– Что ж ты, Господи, забираешь самых нужных, да так не вовремя. Пусть земля ему – пухом.

Он оглядел меня по-новому, внимательно, с головы до ног.

– Даже не знаю, как с вами быть, Семён Иванович. Честью офицера обязан о вас заботиться впредь, благодаря памяти вашего батюшки.

– Ну, что вы, – запротестовал я. – Сам способен позаботиться о себе. У меня письмо есть рекомендательное от главы нашего дворянского собрания.

Тут дверь из трактира вновь взвизгнула на петлях, распахнулась и с силой хлопнула о стену. Офицеры в расстёгнутых мундирах, без головных уборов, со шпагами наголо вылетели на двор. Их было человек шесть.

– Драться будете по всем правилам благородного поединка! – громко требовал один из них, низенький капитан в артиллерийском мундире красного сукна. Говорил он с восточным акцентом. Да и сам офицер был горбоносый, с темными глазами навывкат. На вид ему не было ещё двадцати пяти, но держался он лидером этого пьяного сборища.

– Так найдите место для поединка! – широко разевая красный рот, орал высокий гвардеец в синем сюртуке Семёновского полка.

– Господа, господа! – вопил маленький белобрысый гусар в малиновом ментике с золотыми шнурами. Его светлые жиденькие усы смешно топорщились над пухленькими губами. – Подумайте о примирении!

– Идите к черту! – гаркнули на него все разом, и он отступил в сторону.

– Вон там, – решил горбоносый артиллерист, – указывая на место, где мы с Паниным угощались водкой, и уверенно двинулся вперёд, увлекая за собой пьяных товарищей.

Мне это не понравилось. На всякий случай я поправил шпагу на поясе, чтобы удобней было её вытянуть из ножен.

– О, Господи, что же это будет? – испугался хозяин трактира. – Они же поубивают друг друга, – с мольбой обратился он к Панину: – Ваше благородие, успокойте их.

– Да и пусть поубивают, – безразлично ответил Панин. – Мне эту пьянь гвардейскую не жалко.

– Господа, – между тем обратился горбоносый артиллерист к нам. – Не могли бы вы очистить поляну. У нас здесь будет проходить честный поединок.

Я с тревогой взглянул на Панина. Но тот не сдвинулся с места, даже не взглянул в сторону артиллериста. Чётко выговаривая каждую букву, громко сказал:

– Пошёл вон, скотина!

Пьяные офицеры замерли, соображая: им не послышалось? Их назвали скотиной? Это как вообще можно? Это кто такое дозволил? Первым опомнился артиллерист с кавказским носом. Он, неистово сверкнул темно-кариими глазами и негодуя произнёс:

– Позвольте узнать, сударь, вы меня назвали скотиной?

– Тебя и твою пьяную компашку, – холодно ответил Панин, развернулся и взглянул артиллеристу прямо в лицо.

– Я князь! – выкрикнул артиллерист. – Леван Яшвиль. И не позволю...

– Может вы и князь, когда трезвый. А сейчас – свинья, – холодно прервал его Панин.

– С кем имею честь?

– Бригадир Панин, Никита Петрович. Достаточно, капитан?

– Ваше звание не даёт вам право так со мной разговаривать. Вы не смеете меня оскорблять. Я – князь.

– Поединок?

– Прямо здесь!

– Вызываете?

– Да. За вами выбор оружия.

– Мой секундант – вот этот юноша, – указал Панин на меня, – оружие – штуцера.

– Что? – не поняли остальные.

– Кавалерийские штуцера. Сходимся с двадцати шагов, – спокойно пояснил Панин.

Минуту офицеры соображали.

– Таких правил не существует, – запротестовал маленький светлоусый гусар. – Шпаги или дуэльные пистолеты.

Кто же со штуцерами проводит дуэли?

– Или как я сказал, или вы все будете разжалованы в рядовые! – гаркнул Панин.

Офицеры напряглись. Я почувствовал опасность: все же их было шестеро здоровых пьяных гвардейцев против нас – двоих. Рука сама потянулась к рукояти. Со скрежетом шпага полезла из ножен. Фехтовал я плохо, но отпор дать бы смог.

– Пустое! – твёрдо сказал мне бригадир Панин, заставляя вложить оружие обратно в ножны. Отдал мне свою трость с серебряным набалдашником. Указал на маленького гусара. – Несите штуцера. Отсчитайте двадцать шагов – и никакого примирения.

Пьяные офицеры сбились в кучу и быстро начали трезветь, обсуждая передрагу, в которую попали.

– Это что же такое, господа? – говорил красноротый семёновец. – Вроде, я должен был с Истоминным драться на шпагах. А тут такое вышло...

– Со штуцера, эдак с двадцати шагов пуль так разнесёт, что в руку, что в ногу, а в грудь, так все ребра перемелет, – задумчиво произнёс кавалергард в синем драгунском колете.

– Да, о чем вы! – возмутился худощавый Истомин, со злостью вгоняя свою шпагу в ножны. – Ежели Яшвиль этого бригадира застрелит, – нас всех в Сибирь, пожизненно.

Это же – Панин.

– А ежели бригадир Яшвиля прикончит? – спросил красноротый семёновец.

– Ничего? – пожал плечами Истомин.

Все устремили взгляд на артиллериста, как на приговорённого к смерти.

– Что я должен делать, господа? – вскипел капитан Яшвиль. Нервный пот выступил у него на смуглом низком лбу.

– Вам решать, – с какой-то обречённостью произнёс драгун.

– Довольно разговоров, господа, – спокойно сказал Панин, принимая из рук маленького гусара один из штуцеров. Взглядом знатока проверил кремний, порох на полке. – Мы стреляемся или глазки будем друг другу строить? – Протянул мне штуцер. – Семён Иванович, будьте любезны, проверьте.

– Что я должен делать? – шёпотом спросил я, принимая оружие.

– Перезарядите. Не доверяю этим пьяницам.

Я попросил у маленького гусара патрон. Он растеряно полез в лядунку, вынул бумажный картуш. Надо было как-то его засунуть в ствол. Я никогда не заряжал штуцеры, да ещё с картуша.

– Семён Иванович, – недовольно покачал головой Панин, видя мою растерянность. – Прежде шомполом выковырните пыж из ствола. Только аккуратней.

Я так и сделал. За пыжом выкатилась свинцовая пуля и высыпался порох.

– Отлично, – похвалил меня Панин. – Теперь зубами надорвите картуш. Немного насыпьте пороха на полку. Теперь остальной порох сыпьте в ствол. Там же в картуше пуля и пыж. Плотнее забейте шомполом.

Я все так и сделал. Отдал перезаряженный штуцер Панину.

– Благодарю, – сказал он. – Вот видите, секундantom быть не так уж и сложно.

Гусар в малиновом ментике отсчитал двадцать шагов. Яшвилю всунули в руку второй штуцер. Ствол дрожал, как заячий хвост. Офицеры растеряно смотрели на дуэлянтов. Маленький гусар воткнул шпагу, означавшую середину и упавшим голосом скомандовал: «Сходите».

Я ещё ни разу не присутствовал на дуэлях, и мне откровенно было страшно. А если кого убьют? Что тогда? А если моего попутчика пристрелит этот горбоносый капитан? Панин же меня назначил секундantom. А что должен делать секундantom? Я мысленно воззвал к небесам. Я так сильно сжал рукоять шпаги, что хрустнули костяшки на пальцах.

Тем временем Панин уверенно шагнул вперёд, гордо выпрямив спину. Тяжёлый штуцер он держал легко одной рукой, направив гранёный ствол в сторону противника. Яшвиль засеменил, неожиданно нажал на спуск. Штуцер бахнул, подбрасывая ствол. Пуля высоко прожужжала над головой Панина, сбив с берёзы ворону. У офицеров невольно вырвался вздох облегчения. Холодок пробежался по мне волной от затылка до самых пяток.

Дуэлянты сошлись к середине. Бригадир был выше своего противника на целую голову. Панин упёр в горбатый нос грузинского князя ствол штуцера.

– Стреляйте, – пискнул Яшвиль. – Да стреляйте же! – потребовал грозно он, сверкая черными очами.

– Ага, теперь я вижу – князя, – философски произнёс Панин, отвёл ствол и выстрелил возле уха капитана. Тот отскочил в сторону.

– Стройся! – рявкнул бригадир, и офицеры тут же встали в шеренгу, пытались опра-вить мундиры, застёгивали пуговицы и крючки. – Слушай мой приказ! Всем прибыть в полки сегодня же и доложить командирам о своём безобразии. Каждому – по трое суток гауптвахты. – И притворно ласково добавил: – Кто ещё пожелает меня вызвать на поединок – милости прошу. Я всегда к вашим услугам, господа.

К станции подкатила широкая карета с шестёркой откормленных коней, запряжённая цугом. На правой передней лошади сидел фореитор. Карета остановилось. Кривоногий кругленький лакей, похожий на гнома, соскочил с козелков, любезно распахнул дверь и откинул подножку.

– Прощайте, господа. – Панин легко запрыгнул в карету. Обернулся, посмотрел на меня, подумал. – Берите-ка свои пожитки, Семён Иванович, да я вас доведу.

– Премного благодарен..., но я не знаю, право, – начал мяться я.

– Экий вы стеснительный. Я вам приказываю. Вы на почтовых и до завтра не доберётесь. Садитесь. – Строго сказал лакею: – Захар, тебе придётся вместе с кучером на козелках.

– Я? Но я же...

– Ничего, проветришься. Вон от тебя как несёт. Ты что, опять вино со шнапсом мешал?

Маленький лакей виновато пожал плечами, печально моргнул и послушно полез на козелки.

Да, это не почтовый пыльный экипаж. В почтовых каретах вечно пахло мышами и лошадиной мочой. Здесь же витал тонкий аромат косметических масел и изысканного дорогого вина. Просторный салон был затянут весёленьким голубым атласом. Диваны мягкие, обитые бархатом. На чистых окнах зановесочки с кисеёй. Карета шла мягко, чуть покачиваясь на рессорах.

А я все никак не мог отойти от недавних событий. Передо мной сидел человек, который так легко уgomонил пьяную толпу гвардейцев. И сейчас был спокоен, как будто совершил обычное дело. Сидел, сложив ногу на ногу, и беззаботно читал книгу.

– Я восхищаюсь вами! – с жаром произнёс я.

О чем это вы? – холодно спросил Панин, оторвав взгляд от страницы.

– Вы так бесстрашно шли на выстрел. А вдруг пуля попала бы в вас? – с ужасом вспомнил я.

– Да полно вам. Капитан был в стельку пьян. Он еле удерживал штуцер. Если бы с пистолетов стрелялись, – у него ещё был бы шанс в меня попасть.

– Но если бы попал? – не унимался я.

– Да что вы, ей богу! – беззаботно усмехнулся он. – Попал, значит пришёл мой час. Во всяком случае, предпочитаю погибнуть от пули молодым и красивым, нежели в старости на обмоченной постели, в окружении родственников, с нетерпением ожидающих, когда же можно будет пожрать на поминках. – Он непринуждённо рассмеялся, а после зло сказал: – Терпеть не могу всю эту пьянь! Нацепили офицерские шарфики – и думают, им все дозволено. Не такую Россию хотел построить государь наш, Пётр Алексеевич. Не такое он задумывал государство. Вы молоды ещё, и мало видели. А я, знаете, изъездил землю нашу вдоль и поперёк. И при императрице камергером был. Уж я-то знаю, какой бардак творится, что на окраинах, что в столице..., впрочем, скоро сами все увидите.

Мы ехали молча. Панин вновь принялся читать, я глядел в окошко на редующие леса и открывающиеся пахотные уголья. Бригадир отложил книгу и спросил у меня:

– Вы говорили, у вас рекомендательное письмо. К кому же оно?

– К Аракчееву, Алексею Андреевичу.

– К кому? – Панин чуть не подпрыгнул на месте.

– Предводитель нашего уездного дворянства хорошо знает Алексея Андреевича. Вот, он и рекомендовал. Да с отцом моим они были знакомы...

– Вы самого-то его встречали когда-нибудь, Аракчеева?

– Не имел чести, к сожалению.

– Человек-гранит. От одного его взгляда не по себе становится, – с уважением произнёс Панин. – Вот уж кто настоящий русский офицер – так это Аракчеев. Вы же знаете, батюшка его был беден.

– Знаю, – кивнул я. – Всего-то двадцать душ крепостных, да небольшое хозяйство.

Отец привёз его в Петербург. Хотел устроить в инженерный шляхетский кадетский корпус. А чтобы поступить туда, надобно обмундирование, да залог на учебники, бумагу, чернило и прочую мелочь – и того, рублей двести.

– Двести? – ужаснулся я.

– Да, так, вот. А откуда у Аракчеевых деньги такие? Они едва сотню наскребли, да почти вся на дорогу ушла. У вас-то у самого есть деньги на мундир? Гвардейский стоит дорого. На одни пуговицы рублей двадцать уйдёт.

– У меня? – упавшим голосом переспросил я, вспоминая, что дорогой немало потратил, хотя старался экономить. – Сотни нет. Но, на мундир, думаю, хватит.

– Ладно! Не переживайте. Придумаем что-нибудь, – ободрил он меня. – Однако, чтобы попасть в общество гвардейских офицеров, надо многим обзавестись. Боюсь, жалования вашего будет недостаточно.

– А что нужно настоящему гвардейскому офицеру? – допытывался я. – Шпага у меня есть, пистолеты тоже.

– Наивный вы ещё. Помимо шпаги и пистолетов надо иметь несколько сменных мундиров: для баллов, для театров, для дружеских попок, ну и для дежурства. Да и каждый мундир должен стоить не менее ста рублей. Сюртук гражданский нужен хороший, да жилетов пару. Плащей на каждый сезон, да не из дешёвого сукна, а из дорогого, английского. Шубу надо заказать. Как зимой без шубы? А всякие платья исподние, чулки шёлковые, башмаки несколько пар, сапоги для плаца, да для выездки, всякие перчатки, муфты меховые, шляпы... Много чего. А чтобы попасть в высшее общество, надобно снять хорошую квартиру с приличным столом, и каретой обзавестись.

– Да как же... Так это... – я совсем растерялся, представляя, сколько на все вышеперечисленное надо денег.

– В том-то и дело, – мрачно сказал Панин. – Но не кручиньтесь. Уж поможем сыну капитана Доброва. Многие батюшку вашего помнят. Так вот, – продолжил Панин рассказ, – О чем мы до этого разговаривали? Ах, да, об Аракчеве. Приехали Аракчевы в Петербург, а тут как раз директор корпуса, Мордвинов, Михаил Иванович, возьми, да и помри. Нового директора пока назначили, пока в дела ввели – на все время надо. Отец с сыном каждый день ходили с просьбой в корпус, и все никак эту просьбу у них принять не могли. Уже совсем отчаялись. С голодухи отошдали. Решили было обратно ехать, к себе в имение. Последний раз перед отъездом пришли в корпус. Повезло. Новый директор наконец-то появился, Мелиссино, Пётр Иванович. Был он в это время у себя в кабинете. К нему их не пустили. Но когда Мелиссино решил выйти пообедать, мальчишка Аракчев кинулся к нему и изложил свою просьбу со слезами, с соплями...

– И его приняли?

– Дело в том, что Мелиссино сам был сыном бедного лекаря. Его отец семью черт знает откуда привёз: кто говорят из Венеции, другие толкуют – с Крита. Но, не важно. Пётр Иванович человек умнейший, да к тому же в людях никогда не ошибался. Выслушал мальчишку, задал пару вопросов, взял прошение, прочитал. Приказал ждать. А через час Аракчев уже был принят в корпус.

– Повезло.

– Аракчеву? – Панин криво усмехнулся. – Думаешь, легко ему пришлось? Инженерный шляхетский кадетский корпус – это не простое учебное заведение. Попробуй в него поступи. Меня, оболтуса, тоже туда пытались устроить. А я, дурень, экзамен не выдержал по арифметики. А как уж батюшка мой старался...

– О вашем батюшке я много наслышан. Генерал-Аншеф. Герой Семилетней войны. А в Турецкую он прославился, взяв Бендерскую крепость. И о дядюшке я вашем читал. Он ведь воспитывал наследника, Павла Петровича.

– Точно! – кивнул бригадир и чему-то рассмеялся. – Весьма польщён. Однако, вы хоть из глубинки, но о свете кое-что знаете. Батюшка мой действительно героическая личность, но дядя, Никита Иванович Панин – уж тот – человечиче! Советником самой императрицы был, мало того, нередко в споры с ней вступал. Многие важные политические вопросы без него не

решались. А о чем мы до этого говорили? Ах, да! Аракчеев. Представляете, каково учиться бедному, я бы сказал, совсем бедному шляхтичу среди сынков богатых, титулованных родителей. Ох и натерпелся же он. Мне рассказывал мой приятель, сокурсник Аракчеева: поставили его на караул по дневальной части. Стоит Аракчеев, как положено, смиренно. А тут старшекурсники подошли и начали над ним издеваться. Мол, мундир то у него из дерюги сшит, поношенный. Пуговицы – дешёвка медная.

Сапоги – заплатка на заплате.

– И что Аракчеев?

– А ничего. Зубы сжал, скулы накрепк, смотрит стеклянными глазами куда-то поверх голов. На лице никаких эмоций. Подходит к ним мой знакомый и говорит: «Что ж вы, господа, смеётесь над бедностью? Бедность – не порок. В Библии сказано». Ему старшие говорят: «Что ты, – мол, – вмешиваешься? Пусть он сам за себя ответит». «Отвечай!» – требуют. Аракчеев и говорит: «Успею. Придёт время – отвечу. И вы за все ответите». Да так уверенно сказал, что у старших вся охота шутить пропала. И вон, смотри, каких вершин достиг. Сколько ему? Двадцать семь, а он уже при наследнике. Говорят, сам Мелиссино рекомендовал Павлу Петровичу Аракчеева, как исполнительного офицера и хорошего артиллериста.

– Стой! – Раздался строгий окрик.

– Это куда нас занесло? – забеспокоился Панин, отодвигая бархатную шторку.

– Проезжай!

Карета вновь тронулась. Мимо промелькнула полосатая будка, поднятый шлагбаум. Солдаты в добротных мундирах, в напудренных париках. Гренадёрки с треугольным медным налобником. Ружья с длинными штыками.

– Это что такое? – забеспокоился Панин и приоткрыл окошко. – Иван! – закричал он кучеру. – Иван, сволочь, ты куда везёшь?

– Так, через Гатчину, Никита Петрович, – ответил кучер.

– Сдурел! – гневно воскликнул бригадир. – Я же сказал тебе: окольной дорогой надобно. Куда к чертям в Гатчину завернул?

– Так, Никита Петрович, окольная дорога здесь одна, а на почтовой станции сказали – мост чинят. Не проехать...

– Тогда гони до следующей заставы, да коней не жалея.

Понял?

– Как скажете, – обиженно ответил кучер.

Кони рвали построжки. Карету мотало во все стороны. Панин бросал беспокойные взгляды в окно, при этом бормотал проклятия. Вдруг карету перестало мотать. Колеса попали на ровную дорогу, удивительно ровную. Копыта бойко отстукивали. Форейтор покрикивал. Рессоры поскрипывали. Кучер посвистывал.

Вдруг в этот стройный шум вмешался нарастающий топот. Прозвучала отрывистая команда: Стой! – и упряжка сбавила шаг. Вскоре карета остановилась совсем. Её окружили вооружённые всадники в чёрной форме гусар.

– Влипли! – с досадой воскликнул Панин и, высунувшись в окно, наглым тоном спросил: – Ротмистр, в чем дело? Я – бригадир из Ровненского гарнизона, Никита Панин.

– Ротмистр Вуич, – безразлично ответил рослый гусар. – Приказываю вам повернуть карету и следовать к Гатчинскому замку.

– Позвольте, я везу документы особой важности, – возмутился Панин.

– Вы находитесь на территории Гатчинского государства и должны подчиняться его законам, – металлическим голосом отчеканил ротмистр.

Панин плюхнулся обратно на диван.

– Чёрт старый, Иван. И надо было ему сюда ехать?

Между тем карета тронулась в сопровождении всадников.

– Объясните, что произошло? – попросил я.

– Указ здесь такой действует: коль проезжаешь по земле Гатчинского государства, обязан заехать в замок и выказать почтение наследнику российского престола, Павлу Петровичу, – нехотя объяснил Панин и строго добавил, застёгивая мундир и потуже затягивая на поясе офицерский шарф: – Вот, что, Семён, приведите себя в порядок, да шпагу нацепите. Как остановимся – мигнов вылетайте за мной из кареты, срывайте шляпу и – в глубокий реверанс.

Реверансы делать умеете?

– Обучен.

– Уж – постарайтесь. А главное – много не болтайте.

– А что нам грозит?

– Как бы на гауптвахту суток на трое не загреметь. Ох, влипли!

Гатчинское государство

Вскоре послышался отрывистый визг флейты и треск барабанов. Впереди вырос замок. Длинное мрачное строение, подковой охватывающее обширный плац. Центральная цитадель состояла из трёхэтажного строения с двумя квадратными башнями по краям, дальше тянулись двухэтажные пристройки, опять же, заканчивающиеся восьмигранными башнями. В своей архитектуре замок был прост и величественен. Строгие формы, высокие окна, никаких излишеств в виде лепнины или колоннад. Серая скала под серым осенним небом.

А на плацу проходили военные учения: маршировали колонны гренадёров; кавалерия упражнялась в построениях; егеря отрабатывали штыковую атаку.

Карета резко остановилась. Панин сам распахнул дверцу, не дожидаясь лакея, и выпрыгнул наружу. Вслед за ним и я. Сделал все в точности, как велел мой спутник. Мы склонились в глубоком реверансе перед кучкой людей в темной военной форме, скроенной на прусский манер. Фрачные сюртуки с длинными фалдами, белые лосины, высокие ботфорты, треугольные шляпы.

– Панин! – высоким голосом, произнёс самый маленький офицер. Что-то комичное было в его фигуре. Тщедушный. Темно-синий мундир делал его ещё меньше. Огромные ботфорты – явно не по ноге. Треуголка с широченными полями. Под ней маленькая голова в напудренном парике. Но во всей одежде был порядок: ни единой складочки, ни пятнышка. Бант на шее сиял белизной. Перчатки на маленьких руках чистые, белоснежные. – Довольно поклонов. Поднимитесь! Рад видеть вас в моих владениях.

– И я безмерно счастлив встречи с вами, Ваше Высочество, – Ответил Панин с притворной радостью.

– Если счастливы, куда же вы так спешили? Мимо хотели проехать? Указа моего не знаете? – подозрительно спросил маленький офицер. Лицо его было неприятное, бледное.

Нос слегка вздёрнут. Глаза глубоко посажены с нездоровыми тенями вокруг.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Я везу важные государственные бумаги, – попытался оправдаться бригадир.

– Какие же? – допытывался офицер. – Неужели до того важные, что вы решили загнать лошадей? Я наблюдал вашу скачку. Так и расшибиться недолго. Наверняка везёте отчёты из Ровно: сколько пороху в погребах, сколько ядер, сколько выбыло рядового состава из-за болезней, сколько рекрутов поступило... и прочую ерунду.

– Вы правы, Ваше Высочество, – вынужден был согласиться Панин.

– А не посадить ли мне вас эдак суток на трое на гауптвахту, да в вахтпараде погонять в строю с гренадёрами? Любите вахтпарады? Прусский шаг знаете?

– Смилуйте, Ваше Высочество, – взмолился бригадир Панин. – У вас на гауптвахте трое суток, да потом в Петербурге за опоздание неделю ареста дадут...

– Да бросьте вы, – раздражённо махнул маленькой ручкой, затянутой в белоснежную перчатку, офицер. – В Петербурге вас никто не хватится. В генеральном штабе – полный бардак. Среди офицеров – повальное пьянство. Гвардия распустилась... Офицеры все по балам да по театрам торчат. Забыли, где плац находится. А это кто с вами? – ткнул он небрежно тростью в мою сторону. – На слугу не похож: со шпагой. Шляхтич? А почему такой чумазый?

– Простите его, Ваше Высочество, – вступился за меня Панин. – Он неделю с Новгородской губернии добирается, на почтовых.

– И что с того? – грозно возразил офицер. – Дворянин в любых обстоятельствах должен выглядеть опрятно. Представьтесь! – потребовал.

– Добров, Семён Иванович, – отчеканил я, как можно твёрже, хотя ещё не понял: кто этот маленький тщедушный офицер. Но коль бригадир перед ним робеет, значит – чин высокий. – Следую к месту службы в Семёновский гвардейский полк.

– К месту службы? – с сомнением произнёс маленький офицер. Достал из кармана белый, как майское облачко, платок и громко высморкался. – Не рановато ли? Сколько вам?

– Четырнадцать, скоро будет – пятнадцать.

– В Семёновский, говорите? Небось, с пелёнок приписан, служивый? – с презрением сказал он. – Ох, не люблю я этих офицеров-младенцев. – И обратился к своему окружению: – Приезжает такой вот офицер впервые в полк уже майором, а сам не знает, как ружье надо держать, как пистолет зарядить, как шаг чеканить, в званиях не разбирается...

Все смотрели на меня осуждающе, будто я преступник.

– Ваше Высочество, – вновь вмешался Панин. – Перед вами сын капитана Доброва. Помните его? Под Кернической он в самый ответственный момент сражения повёл в штыки Семёновский полк. Тогда мы смяли шведов.

Маленький офицер смешно дёрнул головой. Уже по-другому взглянул на меня, более внимательно. Глаза у него были какие-то детские, наивные, совсем не шли к его грозному лицу.

– Ещё бы! – воскликнул он. – Такого не забыть. Так вы его сын?

– Старший, – ответил я – И отец вас отпустил?

– Он скончался недавно.

– Соболезную, – смутился офицер, подумал. – Что ж. Прошу прощения, за столь жёсткий приём. Но все же – вы дворянин, и должны выглядеть соответственно. Запомните! – У него есть рекомендательное письмо, – вставил Панин.

– Рекомендательное, – хмыкнул офицер. – И кому рекомендуетесь? К Римскому-Корсакову, небось? Так он и читать его не будет.

– К Аракчееву, – поправил я.

– К кому? – Маленький офицер удивлённо заморгал короткими белёсыми ресничками. – К Алексею Андреевичу?

– Сосед он наш, – объяснил я. – Отец мой с его отцом дружны были...

В это время на пригорок, шагах в пятидесяти от нас, артиллеристы в красных мундирах выкатывали на позиции пушки, готовясь к стрельбе. Маленький офицер, а за ним и весь его штаб переключили внимание на батарею. В поле стояли мишени из пустых бочек, поставленных пирамидками друг на друга.

А вот и Аракчеев, – указал маленький офицер на бомбардира, командовавшего батареей. – Вот, настоящий бог сражений. Нет, вы поглядите, господа, как он вымуштровал солдат: ни одного лишнего движения, каждый на своём месте. Действуют быстро, слаженно – сразу видна хорошая выучка.

Одно из орудий дёрнулось, откатилось назад, изрыгая облако серого дыма. До нас с опозданием долетел грохот выстрела, и одна из мишеней разлетелась в щепки.

– О! Что я вам говорил! – Радостно воскликнул маленький офицер. – С первого же выстрела – и в точку.

Второе орудие бахнуло, и вторая мишень разлетелась. Потом третье и четвёртое. Последний выстрел был не столь удачным, но все равно, самая верхняя бочка превратилась в облако щепок.

– Пойдёмте, господа! – приказал маленький офицер и широкими шагами направился к батарее. Все последовали за ним.

– Объясните мне, кто это? – шёпотом спросил я у Панина.

– Вы сдурели! – сердито сдвинул брови бригадир. – Это же сам наследник, Великий князь, Павел Петрович. А вон те двое юношей – его сыновья: Александр Павлович и Констан-

тин Павлович. Вы, Семён, смотрите, не сболтните лишнего, а лучше – вовсе молчите, – пригрозил мне Панин.

Пушкари остужали орудия, чистили стволы банниками. Стоял острый запах уксуса.

– Смирно! – скомандовал высокий нескладный офицер в форме полковника с грубыми чертами лица, и артиллеристы тут же бросили свои занятия, выстроились возле орудий. Полковник сделал чёткий строевой шаг в сторону приближавшегося наследника Павла Петровича и громко отрапортовал:

– Стрельбы проведены успешно. Все мишени поражены.

– Видел, видел! Молодцы! – похвалил пушкой наследник. – Надо же, все четыре сбил! Я горжусь вами, Алексей Андреевич. А что о пушках скажете? Голландцы не подкачали? Хорошие прислали?

Полковник набычился, и неопределённо ответил:

– Воевать с ними можно.

– Та-ак! – грозно протянул наследник. – Давайте-ка, Алексей Андреевич, говорить откровенно: орудиями вы недовольны.

– Недоволен, – честно ответил полковник.

– На этот раз что?

– Расчёты надо произвести. Не так что-то. Или ядра тяжёлые, или стволы короткие.

– Объясните, – требовал Павел Петрович.

– При фунтовом заряде пороха ядро летит не больше пятисот шагов. Если полуторафутным заряжать, так часть пороха из ствола выносит, искрит, как фейерверк.

– Вот оно, что? – задумался Великий князь.

– Расчёты надо произвести, – повторил полковник и несмело добавил: – Единорог шуваловский, он, все же, лучше.

Павел Петрович недовольно вздёрнул подбородок.

– Где же я вам возьму единороги? Нет у меня денег на единорогов. Хорошо, хоть эти, – кивнул он на пушку, – посол Голландии подарил. Сделайте расчёты и принесите мне к завтрашнему утру.

Рядом развернулась вторая батарея, и пушкари принялась палить по мишеням. Но на этот раз ядра не долетали, зарывались в дёрн, разбрасывая комья земли. Лишь последним выстрелом удалось сбить бочки.

– Это что за безобразие? – гневно закричал наследник, размахивая тростью, и бросился к командиру батареи. – Что за стрельба? Вы что, впервые пушку увидели?

– Никак нет! – испуганно отвечал здоровенный мордастый капитан, вытянувшись в струнку.

– А почему ядра у вас не долетают?

– Порох сырой.

– Что? – гневу наследника не было предела. Он кинулся к зарядным ящикам, вынул один из зарядов, разодрал холстину и, стянув зубами белоснежную перчатку, сунул руку в порошок. Выплюнул со злостью перчатку и заорал: – Аракчеев, откуда сырой порошок? Кто принимал? Я вас за это в солдаты разжалую!

– Позвольте объяснить, – спокойно попросил Аракчеев. Лицо его не выражало ни капельки страха.

– Ну! Жду! – требовал наследник, нервно сжимая в руке горсть сырого пороха.

Порох я приказал намочить. Он изготовлен по моему рецепту.

– С водой, что ли? Зачем?

– Не с водой. Дело в том, что в походе всякое случается. Бывало и такое, что артиллерийские заряды промокали под дождём или при неудачной переправе через водные преграды;

при этом армия лишалась огневой поддержке. Я же пытаюсь приготовить порох, который бы и сырым возможно было употребить при стрельбе.

– Не врѣшь? – недоверчиво взглянул на него Павел Петрович.

– Сами видите – стреляет, хоть и сырой.

Гнев наследника моментально улетучился.

– Ух, и голова у тебя светлая, – хохотнул Великий князь. Настроение его менялось в одно мгновение. – Расскажешь сегодня после ужина о своих опытах. – Бережно положил разорванный мешок картуша на зарядный ящик. Адъютант подал оброненную перчатку. Павел Петрович натянул её на руку. Потом повернулся к остальным офицерам: – Господа, сегодня я намерен отужинать в Арсенальном зале. Жду вас всех. Панин, вы тоже оставайтесь, – приказал он бригадиру. – Завтра отвезёте свои доклады, и товарища вашего отмойте. Я и его желаю видеть на ужине, – указал он тростью на меня. – Кстати, Аракчеев, этот юноша к вам с рекомендацией. Вы уж позаботьтесь о земляке. Он – сын героя. Капитана Доброва помните?

– Будет исполнено, – пообещал Аракчеев и пристально осмотрел мои истоптанные сапоги, перевёл взгляд на шпагу, пересчитал пуговицы на сюртуке. – Добров, говорите? – недоверчиво переспросил он.

– Так точно, Добров Семён Иванович, – подтвердил я.

Наследник, неуклюже шагая, и смешно подпрыгивая при ходьбе, направился к замку.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! – вприпрыжку ринулся за ним офицер сопровождения.

– Что ещё? – недовольно обернулся наследник.

– Надобно дать приказ батареям свернуть позиции. Иначе Аракчеев до утра стоять будет.

– Верно, – согласился Великий князь и, что есть мочи, гаркнул: – Свернуть позиции!

Пушки в депо, солдатам – по казармам!

* * *

– Дайте-ка. – Аракчеев протянул ко мне широкую грубую ладонь. Я не сразу сообразил, что от меня требуют, но после понял и достал из-за пазухи серый конверт с сургучовой печатью.

Аракчеев внимательно осмотрел герб на сургуче, сломал печать. Вынул исписанный мелким почерком листок, начал читать. Окончив, засунул письмо обратно в конверт. Ещё раз пристально взглянул мне прямо в лицо, своими волчьими светло-кариими глазами и недовольно произнёс:

– Что же вы в таком виде перед наследником предстали?

Я, было, набрал воздуха в лёгкие, чтобы выдать оправдание, мол, целую неделю в дороге, ночевал где попало, но Аракчеев опередил:

– Не надо ничего говорить. Все ваши слова – ничего не значат. И запомните: никогда не оправдывайтесь, а тут же исправляйтесь.

В солдатской бане стоял запах нагретых досок, пара и горящего угля. На каменном полу громоздились огромные деревянные лохани, наполненные водой. В каменных печах пылал огонь. Чугунные заслонки накалились до бордового цвета. Сверху на печах шумели железные ведра, готовые закипеть. Широкие деревянные лавки потемнели от влаги.

– Может, мне не стоит мыться? – с надеждой спросил Панин. – Я и без того недавно парился в Полоцке. Бани в Полоцке хорошие.

– Приказано – извольте выполнять, – жёстко ответил Аракчеев. – И прошу вас: будете собираться к ужину, не надевайте шёлковых бантов и всяких побрякушек. Павел Петрович не любит всей этой показной роскоши.

– Как скажете, – пожал плечами Панин.

– А у вас, юноша, есть белая сорочка? – спросил меня Аракчеев.

В моем дорожном сундуке есть чистое белье. – Я открыл свой потёртый кожаный кофр с медными уголками. Матушка собирала сама меня в дорогу и положила пару рубах из грубого выбеленного холста.

– Вы это называете – чистым? – с сомнением спросил Аракчеев, взял из кофра сорочку, повертел её, резко рванул, и ткань тут же расплзлась пополам. – Вам принесут одежду.

Аракчеев вышел твёрдой уверенной поступью. Я вздохнул, с грустью рассматривая куски разорванной холстины, которые ещё недавно были рубахой.

– Ух, Семён, – грустно усмехнулся Панин. – Достался тебе командир. Но ничего, не печалься. Придумаем что-нибудь.

Здоровые гренадёры разложили нас на лавках и нещадно тёрли мочалами из лыка, а потом обливали водой, то холодной, то горячей. Стегали дубовыми распаренными вениками и вновь окатывали водой. Сначала тело моё горело, и я ещё ощущал боль от хлётких ударов, но вскоре потерял всякую чувствительность.

– Ой, полегче! – молил Панин. – Я в бане или в застенке?

– Не ворчите, ваше благородие, – отвечали раскрасневшиеся гренадёры. – Живы останетесь. Даже кожа пока не слезла. – И вновь, пуще прежнего работали вениками.

Мне выдали чистую солдатскую исподнюю рубаху, солдатскую блузу, белые лосины и солдатский сюртук синего сукна с длинными фалдами. Подкладка малиновая. Новые медные пуговицы сияли словно золотые. Обшлага тоже малиновые с золотой каймой.

– Выглядите молодцом, – усмехнулся Панин, когда я оделся и застегнул все пуговицы и крючки. Он помог мне правильно надеть небольшой парик с буклями на висках и маленькой косичкой на затылке.

Появился Аракчеев.

– Готовы? Прошу следовать за мной.

Я робко шествовал за Паниным и Аракчеевым по великолепным анфиладам Гатчинского зама. Такой красоты и такого величия я ещё никогда не видел. Высокие потолки с лепниной и расписными плафонами казались мне творением божественным. Огромные гобелены, зеркала в массивных золотых рамах. Лакеи в ярких ливреях распахивали перед нами высоченные двери.

– Что, Семён, одурел от красоты? – усмехнулся Панин.

– Под ноги смотрите, – строго напомнил Аракчеев.

И вовремя. Я чуть не споткнулся о пёстрый ворсистый ковёр с затейливым восточным орнаментом.

Офицерам накрыли в нижнем Арсенальном зале. Длинный дубовый стол был убран белой скатертью. Кроме бронзовых канделябров на столе ничего не стояло. Все командование гатчинского гарнизона уже собралось. Офицеры шумно обсуждали политические вопросы. Как только появился Панин, все бросились к нему с расспросами: как там, в Польше нынче; какие вести доносятся из Франции; со Швецией мы будем заключать союз?

– Во Франции, господа, появился новый Марс, бригадный генерал Наполеон, – сообщил Панин. – Слыхали о таком? Недевиче, как десять лет назад он только вышел из Парижской военной школы младшим лейтенантом, а теперь уже ему доверили возглавить армию. Каково, господа?

– И чем же он отличился? – настороженно спросил Аракчеев. – Говорят, сей Марс отличный артиллерист.

– Вы верно подметили, – согласился Панин. – При разгоне мятежа, он вкатил на улицы Парижа пушки и показал, как можно делать фарш из людей при помощи картечи.

– Стрелял из пушек в свой народ? – гневно сдвинул кустистые брови Аракчеев. – Экое геройство!

– Во Франции нынче нет единого народа. Все делятся на роялистов, якобинцев, жирондистов и на прочую дрянь. Даже нет деления на мужчин и женщин, есть только гражданин, а есть не гражданин – тот враг революции. Франция погибнет, если к власти не придёт человек с железной рукой и каменным сердцем.

– Наследник Российского престола! – прокатилось под сводами.

Офицеры выстроились в шеренгу и застыли. Быстрым, тяжёлым шагом вошёл Павел Петрович. На этот раз он надел сюртук генерал-адмирала Российской империи с голубой Андреевской лентой через плечо. Всё в одежде идеально – ни единой складочки. Белокурые волосы завиты в аккуратные букли. За ним следовали двое старших сыновей: Александр и Константин в прусских приталенных мундирах. Наследник прошёлся вдоль строя офицеров, внимательно осматривая каждого. Остановился напротив Панина.

– Для чего вам эта побрякушка, Никита Петрович? – скривил он недовольно бледные губы.

– Орден Святого Антония преподнесён главой города Ровно, – ответил Панин.

– С чего это поляки вас так полюбили? – и, не дожидаясь ответа, перешёл к моему осмотру.

Я затаил дыхание. Мне до сих пор не верилось: сам наследник престола, Великий князь Павел передо мной. Разве такое возможно?

– Хорош! – удовлетворённо кивнул он. – Мундир вам идёт. И выправка гренадёрская. Лицо отмыли, – теперь вижу в вас благородную кровь. Отец ваш бесстрашным был и честным. Помню его. Нынче не хватает таких людей в России. Ох, как не хватает! Надеюсь, вы пошли в отца.

Закончив осмотр, наследник громко произнёс:

– Приступим к молитве, господа офицеры! Кто искренне чтит Бога, тот за правду стоит.

Молитва длилась не меньше получаса. Великий князь сам, лично читал псалмы, а офицеры хором вторили ему. Наконец всем разрешили сесть за стол. Лакеи внесли и расставили перед каждым простые приборы: оловянные тарелки, железные вилки и ножи. Панин удивлённо пожал плечами и шепнул мне, чтобы никто не услышал:

– Как в придорожной харчевне.

Потом появились блюда, от которых Панин пришёл в полное недоумение: тушёная капуста с луком и варёные колбаски. В кувшинах оказался клюквенный морс.

Мой товарищ плохо смог скрыть удивление столь скромному угощению. Он привык к хорошему столу. Даже в походах кормили лучше. А тут... От внимания наследника не ускользнуло брезгливое выражение лица Панина.

– Никита Петрович, вы не любите капусту или баварские колбаски?

– Как же, Ваше Высочество, – сконфузился Панин, не зная, что ответить. – Очень люблю.

– Я могу вас понять. Вы приехали в гости к наследнику Российского престола, а тут – капуста. Но, видите ли, дело в том, – объяснял Павел Петрович, – мне матушка, Ея Величество выделяет скудные средства. Приходится на всем экономить, чтобы хоть как-то содержать армию, госпиталь, офицерскую школу, конюшни... Вот, не знаю, как замок отапливать нынешней зимой. Большую часть комнат придётся закрыть. Вино у меня есть, но вина я не подаю на стол, потому что мало кто из нынешних офицеров знает норму. А пьяниц я не переношу. Морс – он полезней.

– Полностью с вами согласен! – поспешил заверить его Панин.

Железные вилки и ножи противно скрежетали по олову.

– Позвольте задать вопрос. Семён Иванович, кажется? – обратился наследник ко мне.

Я невольно вздрогнул, отложил приборы и хотел вскочить, но чуткий Аракчеев, сидевший рядом, схватил меня за плечо и не дал подняться. Прошипел в самое ухо:

– За столом не вскакивают. Дозволено разговаривать сидя.

– Так точно, Ваше Высочество, – ответил я. – Добров Семён Иванович.

– Давайте посмотрим на юное поколение будущих офицеров из провинции, будущую гвардию, надёжу и опору нашего отечества. Вы владеете языками?

– Моя маменька из шотландских дворян. Она обучала меня французскому и английскому. Свободно общаюсь, пишу и читаю.

– Отлично! – был вынужден согласиться наследник.

– Наш местный лекарь, немец по происхождению, обучал меня немецкому и латыни?

– Латыни? – восторженно спросил наследник. – И каковы ваши успехи в латыни? – поманил лекаря. – Поддай юноше мою любимую книгу. Неужели провинциальный лекарь, пусть даже – немец, может преподавать латынь?

Лакей принёс увесистый том в потёртом кожаном переплёте и бережно передал его мне. Я вытер руки о салфетку, раскрыл книгу. Пожелтевшие страницы и тщательно выведенная готическая вязь, говорили о том, что книга была очень старая, из какого-нибудь европейского монастыря. Наверное, над ней не меньше года трудился монах переписчик, терпеливо выводя букву за буквой, слово за словом....

– Знакомо ли вам это сочинение? – спросил Наследник.

Я пробежался по первым строкам.

– Приходилось читать, – вспомнил я. Именно по такой же книге наш лекарь и учил меня латыни.

– Вот, как? – У Павла Петровича явно поднялось настроение. Он прекратил жевать и отложил вилку с ножом. – Ну, и что у вас в руках?

– Сочинение аббата Рене-Обер де Верто «История рыцарей святого ордена Иоана Иерусалимского».

– Ну, читайте, читайте, – заёрзал на стуле Павел Петрович. – А лучше сразу переводите.

– «Я, имярек, рыцарь ордена, клянусь, моему господину и повелителю, и преемнику князя апостолов, и его наследникам в постоянной верности и послушании. Клянусь, что я не только словом, но и оружием, всеми своими силами буду защищать таинства веры.... Обещаю также повиноваться великому магистру ордена и быть послушным, как того требуют уставы.... В любое время дня и ночи, когда будет получен приказ, клянусь переплыть все море, чтобы сражаться против неверных королей и князей...»

– Клятва! Клятва рыцарей! – Лицо наследника сияло радостью и неземным блаженством. – Каков слог! Какие возвышенные слова! Вот, были же времена, благородные времена, где правила рыцарская честь, где вместо длинных, заковыристых договоров достаточно было только клятвы. Ох, господи, куда катится мир? Что нынче за нравы? Нет, надобно возрождать рыцарство. Не знаю как, но в наше нелёгкое время ох, как не хватает бесстрашных, бескорыстных, благородных воинов, у коих сердце пылает отвагой. В одной руке карающий меч, но в другой – библия, на устах слово божье. – И обратился ко мне: – Достаточно, молодой человек. Я вижу, вы образованы не хуже своих сверстников из столицы. Не правда ли, Никита Петрович?

– Согласен с вами, – тут же кивнул Панин. – Меня хоть и обучали латыни лучшие гувернёры, но, вот так, сходу перевести, признаюсь, не смог бы.

– А арифметику кто вам преподавал? – продолжил мой допрос Великий князь.

– Французский учитель, – ответил я. – Наш сосед, граф

Корин, приютил дворянина, бежавшего от революции. Раньше месье де Пурпо преподавал в Парижской военной школе. У него я брал уроки.

– Грифельную доску и уголь, – потребовал наследник. – Я вам, юноша, задам задачку, а вы, будьте добры, решите её. – Лакей сунул мне в руки небольшую прямоугольную доску для письма, загрунтованную белой краской, огрызок угольного карандаша и линейку с делениями в дюймах. – Рассчитайте площадь этой досочки, отталкиваясь от условия, что короткая её сторона в два раза меньше длинной. А измерить я вам разрешу только диагональ. Все уяснили?

Решайте. И давайте, объясняйте ход своих мыслей, – потребовал наследник Российского престола.

Сначала я растерялся, но собрался, поразмыслил и понял в чем хитрость.

– Диагональ делит данную дощечку на два равных треугольника с прямым углом. Она же, эта диагональ, является для них гипотенузой, – уверенно начал я.

– Так! – одобрительно кивнул Павел Петрович.

– А, исходя из теории греческого математика Пифагора, следует, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Вычисляем квадрат гипотенузы. Зная из условий, что маленькая сторона короче длинной в два раза, вычисляем соответственные квадраты, извлекаем, перемножаем, получаем площадь.

– Сообразил! – Павел Петрович с силой швырнул вилку на стол. – Аракчеев, он сообразил.

– Ответ верен, – согласился Аракчеев. Видать не раз уже задавали эту каверзную задачку начинающим офицерам.

– Панин, вы поняли? – обратился наследник к Никите Петровичу.

Панин с усилием проглотил кусок колбаски и сказал немного растеряно:

– Понять, то – понял, но я бы вот так, с ходу не сообразил.

– Вот что, отрок, – решительно сказал Павел. – Вскоре прибудет вюртембергская осадная батарея. Я вас назначаю командиром.

Панин подавился, зашёлся кашлем. Аракчеев звонко хлопнул его ладонью по спине.

– Никита Петрович, вы так удивились? – усмехнулся наследник.

– Весьма, Ваше Величество, – ответил Панин. – О такой быстрой карьере даже я не смею мечтать.

– А потому что вы, Панин, при всем моем уважении к вам, – балбес. Да, балбес, – разве-селся Павел Петрович. – Вот, захотели бы – и стали министром. А вы – ленитесь. Вот, вас матушка наша Екатерина Алексеевна и выперла в Ровно. Выперла, потому что таких балбесов у неё целый двор. Отец ваш, Пётр Иванович, вот это – человечище! А дядюшка ваш, Никита Иванович, мой наставник? Да таких людей в России было: раз, два – и обчёлся! Сколько в детстве и в отрочестве мы с вашим дядюшкой бесед провели: о русском народе, о полководцах великих, о деяниях святых... Что за человек! Что за светлая голова!

– Стараюсь во всем походить на отца и дядюшку, – заверил наследника Панин.

– Стараются? Да как-то вам все не удаётся. Леня-матушка вперёд вас родилась. – Павел заметил, как Аракчеев насутился. – Что-то не так Алексей Андреевич?

– Позвольте возразить, Ваше Высочество, – резко сказал полковник.

– Слушаю, – разрешил Павел Петрович.

– При всем моем уважении к сему отроку и к героическому отцу его, мал он ещё командовать батареями.

– А вы его научите, – тут же предложил наследник. – На поощрения не скупитесь, да наказывайте строже. Не поспит несколько ночей за учебниками, да на гауптвахте посидит недельку, – так сразу военную науку поймёт. Построже с ним. Я хочу получить хорошего офицера.

– А не сломается? – с сомнением взглянул на меня исподлобья Аракчеев, отчего дыхание моё перехватило.

– Не посмеет! – твёрдо заверил Павел Петрович. – Вон, какой у него взгляд упрямый.

Я пришёл в себя, когда почувствовал, как слуга пытается выдернуть из моих рук грифельную дощечку. До моего сознания все никак не доходило: меня, четырнадцатилетнего мальчишку из глухомани, первый день оказавшегося здесь, в Гатчинском замке, назначили командиром батареи? Сказка какая-то.

После скудного ужина, Павел Петрович пригласил в свой кабинет Аракчеева, Панина и меня, как будущего командира вюртембергской осадной батареи. Так же позвал ещё нескольких офицеров. В этом обществе я почувствовал себя совсем неуютно. Статные военные с мужественными чертами лица, обветренные, загорелые, пропахшие порохом и конским потом... и я – вчерашний школяр, не умеющий даже правильно зарядить штуцер.

Небольшой овальный зал был увешан картинами: сцены преимущественно батальные. Жарко пылал камин. Длинный прямоугольный стол завален бумагами, стопками книг, чертёжными инструментами. Остальная мебель в кабинете состояла из нескольких мягких стульев и небольшого диванчика с кривыми ножками. Павел повелел подать чай. Сразу же зашёл разговор об артиллерии.

– Нужен новый подход к полевым стрельбам, – твердил Аракчеев. – Не годится старая тактика. Ну что это: развернуть на господствующих высотах батареи и защищать их.

– Разве такая тактика устарела? – требовал разъяснений Павел.

– А если нет этих высот? А если надо вступать в бой с марша? Артиллерия должна быть подвижной. Надо по-новому формировать батареи.

– Как?

– У каждой батареи должно быть своё конное депо. К каждой пушке должны быть приписаны упряжные лошади. Передок сцепки нужно сконструировать по-другому. Установить на него зарядный ящик.

– Интересно! – кивнул Павел Петрович. – И что это меняет в тактике?

– Орудие не будет завесить ни от кавалерии, ни от снабжения. Подъехала такая сцепка на позицию, развернулась, дала несколько залпов. Если войска наступают – батарея меняет позицию, продвигаясь вперёд; если отступают – отодвинулось на нужное расстояние.

– Прошу вас изложить письменно ваши соображения и предоставить мне. Всё подробно распишите по пунктам, – приказал Павел. – А вы что скажете на это, Панин?

– Полностью согласен с Александром Андреевичем. Век лихих кавалерийских наскоков уходит. Нынче на поле боя пушки решают исход битвы.

– Из чего вы это вывели? – заинтересовался Павел Петрович.

– Изучал внимательно отчёты об осаде Тулона. Капитан

Бонапарт Наполеон так умело расставил батареи, что сначала смог выгнать английские корабли с рейда, а после легко взял форты.

– Согласен с вами, – сказал наследник. – Блестящий план придумал этот Наполеон. Я тоже читал эти отчёты. Вы же помните, перед тем, как он возглавил осаду, сменилось несколько командующих, бездарно предлагавших в лоб штурмовать стены. Конечно, у них бы ничего не вышло, тем более что осажённому Тулону англичане подвозили подкрепление с моря. А вот так, умно осадить с суши и с моря, да ещё грамотно использовать артиллерию... Талант у этого Наполеона.

Беседу прервал камердинер. Он сообщил о прибытии важной персоны, генерала-губернатора Курляндии, Петра Алексеевича фон Палена. Только что его карета въехала на территорию Гатчинского государства. Генерал-губернатор Курляндии просит аудиенции.

– Сюда его! – потребовал Павел. Обратился к остальным: – Вот, ещё один интересный человек. Отважный и честный, готовый служить России до гроба.

Вошёл высокий вельможа, одетый с простотой и опрятностью немца. На вид ему перевалило за сорок, но он был крепко сложен. Лицо благородное, гладкое, с правильными чертами и внимательными темно-кариими глазами. Светлый дорожный сюртук без всяких излишеств, светлые панталоны, грубые тупоносые башмаки с пряжками. Он просто и элегантно поклонился наследнику. Быстрым взглядом окинул обстановку, оценил каждого из присутствующих. Чем-то этот человек напоминал матерого лиса. Такой в капкан не попадётся и от гончих легко ускользнёт.

– Рад видеть вас, генерал, – поприветствовал его Павел. – Жаль, что вы не успели к ужину.

– Я с удовольствием позавтракаю утром, – ничуть не расстроился фон Пален. – Как говорили римляне: – Мой ужин предназначен врагу, но завтрак никому не отдам.

Говорил он мягко, вкрадчиво, но во всем его облике, в неспешных движениях, в манере говорить чувствовалась скрытая сила.

– С какими намерениями в Петербург? – поинтересовался наследник.

– Государственные дела. Обязан прибыть в сенат и доложить о состоянии дорог, укреплений, портов, а также о настроениях местного населения Курляндии.

– Присаживайтесь. Угощайтесь чаем. Мы, как раз беседуем о переустройстве артиллерии.

Обсуждали осаду Тулона. Как вы оцениваете действие англичан?

Из англичан плохие солдаты, – сказал фон Пален, грациозно присаживаясь на стульчик за чайным столиком. – Сколько не читал о громких победах английского оружия – все сплошь подлость. А как только попадается сильный противник, англичане вечно получают по зубам. Вот какая штука, господа. Осада Тулона – тому пример.

– Что скажете о бригадном генерале Франции, Наполеоне? – задал вопрос Павел.

– Наполеон! – фон Пален повертел указательным пальцем в воздухе. – Ежели он был бы законным императором, Франция покорила бы половину Европы.

– Ну, вы скажете тоже, – усмехнулся Павел. Скулы его порозовели, глаза сверкнули. – Какой из него император? Император должен быть от Бога. А это корсиканский карлик – от дьявола. Император должен служить отечеству, как апостол, и делами своими, рвением своим подавать пример всем остальным подданным. Судьба императора – сгореть ради процветания государства. Да бог с ними: с Францией и Англией. Нам надо здесь и сейчас думать о будущем России. Вот, господа. – Павел достал с книжной полки три толстых тетради в бархатных обложках и положил перед гостями на стол. – Здесь я подробнейшим образом описал, как надо переустроить Россию. Вот в этой тетради – армия, в этой – флот, в этой – гражданское законодательство.

– Поистине – гигантский труд, – удивился Панин.

– Может быть, некоторые мои рассуждения покажутся странными, но вы потом поймёте, что я прав. Эти записи я вёл, не просто поддаваясь бурной юношеской фантазии. Нет! Здесь все глубоко продумано. Множество вечеров мы проводили с моим воспитателем Никитой Ивановичем Паниным, вот так, беседуя за чашкой чая с генералами нашими и генералами иных держав. О чем мы только не спорили: об устройстве армий, о политических движениях, о будущих моделях мироустройства.

– Но позвольте узнать, в чем основные принципы, изложенные в этих трудах? – поинтересовался фон Пален.

– Прежде всего – прекратить все войны! – решительно сказал Павел. – Россия слишком много проводит военных компаний. Из казны на армию уходят почти все деньги. Солдат надо одеть, обуть, накормить, снабдить оружием, а инвалидам потом надобно платить хоть какую-то пенсию. А народ? Бабы солдат рожать не успевают. Рекрутские наборы стали настоящим проклятьем. – Он решительно хлопнул ладонью по столу. – Мужик должен растить хлеб. Стране необходим покой хотя бы на несколько лет. С Пруссией пять лет воюем; со Швецией все не помиримся; Польшу одиннадцать лет терзаем; с Турцией беспрестанно сталкиваемся; с Персией. . . . А тут ещё Оренбургские волнения. Вспомните Емельяна Пугачёва. Сколько простого народу и шляхтичей побили да перевешали в этой смуте? И ради чего? До сих пор никто толком объяснить не может. Нет, нужен долгий мир!

– Вы правы, – согласился фон Пален. – Все эти народные восстания из-за рекрутских наборов. Вот ещё казакам спокойного житья не даём.

– Правильно! – воскликнул Павел. – А вспомните, кем был Пугачёв, возмнивший из себя моего отца, Петра Голштинского? Казак, дезертировавший из войска. А сколько народу

поднял, какую смуту всколыхнул? Нет, нужен мир! Немедля! У меня здесь все по пунктам расписано. – Он открыл одну из тетрадей и начал зачитывать: – Прежде всего, надо отказаться от завоёванных земель.

– От всех? – ужаснулся Панин.

– Нет, от тех, что мы захватили в последних войнах. Эти земли мы вынуждены удерживать силой. Надобно там, на местах армии содержать. А у нас, вон, на Урале угли тлеют. У нас Сибирь до конца не изведена. Как за всем уследить? Земли, завоёванные в последние годы надо вернуть. Далее, – продолжил он, – прекратить войны и не начинать новых. Обустроить войска для обороны, а не для наступления. Вы со мной согласны?

– Вполне, Ваше Высочество, – подтвердил фон Пален. – Для обороны всегда нужно значительно меньше средств и личного состава, нежели для нападения.

– Прекратить ненужные перемещения войск и обустроить их на квартиры, – продолжал Павел Петрович. – Построить фортификации вдоль главных границ Швеции, Австрии, Пруссии, Турции, а также в Сибири против киргизцев, башкирцев.

– Лучше бы последних вообще приручить, – предложил Панин. – Вождей задобрить, к присяге привести...

– Вот, когда наступит мир и благоденствие, эти дикари сами присягнут русскому царю, – согласился Павел. Он весь кипел, бурлил идеями. – А вот ещё что я задумал. Коль производить рекрутские наборы, то из тех губерний, где стоят наши армии. А потом вообще брать в солдаты только детей этих же солдат.

– Это мудро, – кивнул Панин. – Пока пахаря научишь строем ходить, да ружье заряжать – год нужен, не меньше.

– И самое главное: создать новый воинский устав, да такой, чтобы каждый, от фельдмаршала до рядового знал в точности, что ему надо делать и в каких случаях.

– Полностью согласен с вами, Ваше Высочество. Пора применить всеобщий порядок. А то у нас в каждом городе свой гарнизонный устав, – заметил фон Пален.

– Но, вот, когда? Когда я успею все это воплотить? Когда? – Он с силой захлопнул тетрадь и швырнул её на стол. Губы его нервно затряслись. – Я пишу с тринадцати лет. С тринадцати! – повысил голос наследник. Скулы порозовели. – В шестнадцать я должен был вступить на престол. Матушка моя, Екатерина Алексеевна обещала гвардии и народу, что я в шестнадцать лет стану вседержавным императором. А мне уже за сорок, и я все ещё числюсь в наследниках. Где же справедливость, господа? – Он вдруг перешёл на крик, грозя кулаком кому-то вверху. – Я должен был преобразовать страну, сделать Россию самой могущественной, самой образцовой страной. А что в итоге? Сижу в Гатчине, как сурок в норе. А что вокруг твориться? Сначала всеми делами заправляли бездари и лихоимцы Орловы, теперь – Зубовы. Кругом – бардак и самоволие. Разве мало нам Пугачёва? С запада надвигается якобинская зараза, а окружение императрицы пьянствует! Ай! – вдруг пронзительно воскликнул он и схватился за виски. Лицо его перекошилось в страшной гримасе, побагровело, из носа закапала тёмная кровь. Наследник сполз с кресла на пол.

– Лекаря! – рывкнул Аракчеев и бросился к Павлу. – Господа помогите.

Небольшое тщедушное тело наследника легко подняли и уложили на диванчик. С шумом ворвался лекар в сопровождении двух помощников и принялся колдовать над Павлом. В воздухе резко запахло нюхательными солями и спиртом.

– Выйдете, выйдете, господа, – настойчиво попросил Аракчеев.

Мы с Паниным и фон Паленым оказались в темной галерее. Иные офицеры попрощались с нами и быстро разошлись, ссылаясь на дела. За высокими окнами с тяжёлыми бархатными портьерами опустились серые сумерки.

– Не знаете, что мы наблюдали? – с тревогой спросил Панин. – Наследник не здоров?

– До меня доходили слухи, что его ещё в юности пытались отравить, – вспомнил фон Пален. – Думаю, мы наблюдаем последствия этого инцидента.

– И кто желал его смерти? – с ужасом шепнул Панин, оглядываясь по сторонам, как будто нас могли подслушивать.

– Если я вам начну излагать свои версии, то боюсь вскоре оказаться в казематах Петропавловской крепости. Так что, попробуйте сами додуматься.

Какое-то время мы шли молча. Шаги гулко отдавались под мрачными темными сводами замка.

– Не подскажите, что было на ужин? – вдруг спросил фон Пален.

– Капуста с колбасками, – ответил я, громко сглотнув. Желудок мой напомнил, что ему так и не дали нормально насытиться с этими задачками да вопросами.

– Изумительный ужин! – с сарказмом подтвердил Панин. – И клюквенный морс.

– Понятно. Голодные? – сообразил фон Пален. – Я тоже, знаете, с дороги. Пойдёмте-ка я вас накормлю.

Мы вышли во двор, и фон Пален уверенно зашагал в направлении казарм. Мы с Паниным удивлённо переглянулись и последовали за ним. Фон Пален по-хозяйски вошёл в солдатскую трапезную, где пахло кислыми щами, свежим хлебом и жареным мясом. Низкий потолок едва освещали сальные свечи. Строгими рядами стояли широкие дубовые столы и такие же дубовые скамьи. Фон Пален кликнул дежурного унтер-офицера.

– Дружок, осталось что-нибудь?

– Караульный котёл.

– Отлично! Тащи. Надеюсь, караульных не объедем?

– Никак нет, ваше благородие. Для караула всегда с лишкой готовим.

На столе тут же появились наваристые щи с кусками зажаренного сала и перловая каша с бараниной. Огромные ломти грубого хлеба и куски коровьего масла. Глиняные кружки с темным, пахучим квасом.

– Вот это – ужин! – удивился Панин. – А что же тогда так скудно офицеров угощают?

– Таков порядок, – криво улыбнулся фон Пален. – Вот парадокс, Никита Петрович: солдат кормят на убой. И не дай бог, кто из рядового состава пожалуется на плохую пищу, – ответственного офицера сразу в карцер на неделю.

Цокая шпорами, тяжело протопал Аракчеев.

– Караульный котёл готов? – спросил он у дежурного унтера.

– Так точно! – ответил тот. – Кто пробу снимал?

– А вот, господа офицеры.

– Присаживайтесь к нам, Алексей Андреевич, – любезно предложил ему фон Пален.

Аракчеев недовольно засопел, втянул голову в плечи, длинные руки заложил за спину.

– Господа, ну как вам не стыдно, – с укором сказал он. – Трапеза предназначена для солдат. Хотите поесть плотнее – на то харчевня у дороги стоит. А за такие фокусы можно на гауптвахту загреметь.

– Просим прощения, Алексей Андреевич. Впредь не допустим сего безобразия, – заверил его фон Пален и, понизив голос, спросил: – Как Павел Петрович?

– Спит, – коротко ответил Аракчеев. – Вечерний вахтпарад я отменил, но к утреннему будьте готовы. Спокойного отдыха, господа. – И удалился.

– Он доложит о нашем незаконном ужине? – настороженно спросил Панин.

– Аракчеев? Никогда, – уверенно ответил фон Пален. – Но при случае вам все припомнит.

Коль вы всех и вся здесь так хорошо знаете, помогите нам вырваться. Нам нужно в Петербург, – взмолился Панин. – В долгу не останемся.

– Извольте, – просто сказал фон Пален, – только после утреннего вахтпарада. Ночью вы отсюда не уедете. На всех дорогах караулы. Шлагбаумы закрыты. Будете прорываться силой – караульные стреляют без предупреждения. Нужен пропуск, выписанный Аракчеевым. А он его вам не выпишет без дозволения Павла Петровича.

– Давайте все же попробуем уговорить Аракчеева, – настаивал Панин. Уж очень ему не хотелось оставаться в этом мрачном, холодном замке.

– Аракчеева? – хохотнул фон Пален. – Уговорить? Не смешите. Проще уговорить столетний дуб сплясать менуэт.

Плотно поужинав, мы отправились обратно в замок. В холле встретили Великого князя Александра. На юноше была накинута епанча, подбитая соболиным мехом. В руках он держал треугольную шляпу, украшенную белыми перьями.

– Вынужден вас покинуть, господа, – сказал он с тяжёлым вздохом.

– В столь поздний час? – удивился фон Пален.

– Коль Ея Величество, императрица требует к себе, – время суток не имеет значение.

По парадной лестнице спешил Великий князь Константин, так же одетый к дороге.

– Очень рад был с вами вновь повидаться. Вам повезло застать нас с братом в Гатчине, – сказал Александр. – Обычно мы проводим все время подле Императрицы. Бабушка с самого рождения опекает меня и брата. К отцу отпускает редко, да все торопит, чтобы мы поскорее возвращались.

– Но на дворе скоро полночь, – удивился Панин.

– У отца припадок. Когда он придёт в себе – неизвестно. Обычно доктор после припадка даёт ему снотворный порошок. Мы решили не ждать до утра, – выдал планы подошедший Константин.

Константин был ниже брата на полголовы, чуть уже в плечах и больше походил лицом на отца, нежели красавец Александр.

Быстрыми тяжёлыми шагами из сумрака анфилады вышел Аракчеев.

– Ваше Высочество, все же решили ехать сейчас? – недовольно спросил он.

– Вы уж простите нас, Алексей Андреевич, – развёл руками Великий князь Александр. – Сами знаете, императрица нагрозила меня государственными делами. Все твердит: будущий император должен с малолетства уметь управлять державой.

– Александр Павлович, – попробовал прервать его Аракчеев, намекая, что не стоит говорить так откровенно при посторонних.

– Ах, бросьте, Александр Андреевич, – махнул рукой Александр. – Уж графа Панина я знаю с детства, и у фон Палена гостил как-то в Риге. Это достойнейшие и честные люди.

– Благодарю, вас, – поклонился фон Пален. – Но что же вас так расстраивает? Быть в центре государственных дел, на мой взгляд, намного интересней, нежели проводить время здесь, в Гатчине. От вахтпарада до вахтпарада.

Аракчеев недовольно покачал головой, но промолчал.

Александр вздохнул:

– Меня все это очень тяготит: мои государственные обязанности, которые мне вовсе не по душе; намёки бабушки, о том, что я должен наследовать власть за ней; упреки отца, поэтому же поводу.... По утрам я присутствую при докладах, веду государственную переписку.... Но я ни в чем не разбираюсь. Для меня политика, юриспруденция, договоры – тёмный лес. Ну, какой из меня император? А отец видит во мне соперника, думает, что я его предал. Но как я могу его предать? В чем здесь моя вина? – несвязно говорил он, глядя куда-то мимо нас, что выдавало его неуверенность. Вдруг он неожиданно прервал речь и быстро кинул: – Прощайте, господа.

Лакеи раскрыли двери. Пахнуло осенней сыростью. Александр и Константин вышли в ночь. Скрипнула дверца кареты, свистнул кнут, топот копыт – и все стихло.

– Позвольте вас спросить, – после долгой паузы осторожно обратился фон Пален к Аракчееву.

– Вы не поняли Александра? – догадался полковник.

Я думал – все это глупая молва. Неужели и вправду императрица хочет после себя передать престол внуку, минуя законного наследника?

– Ничего вам не могу сказать конкретного, господа. Не в моей это компетенции. Моё дело – артиллерия, – безразлично ответил Аракчеев.

– Но вам никогда не приходило в голову: что будет, если такое все же случится? – пытал его фон Пален.

– На кой вам это, господа? Живите сегодняшним днём, – недовольно буркнул полковник. – И не прислушивайтесь ко всякого рода болтовне. А ежели вам интересны дворцовые сплетни, так вон, – он брезгливо кивнул куда-то в сторону, – у графа Кутайсова спросите. Он полон сплетен, как комод бабьим бельём.

Кавалерские покои оказались вполне приличными, с просторными залами. Мебель простая, но добротная, подобрана со вкусом. Камин, правда, топили только в спальнях комнатах, да и то – скудно. Кровати узкие, жёсткие, но удобные. А может мне так показалось после недели ночёвок на почтовых станциях.

Панин с фон Паленым раскурили трубки и беседовали о политике. В дверь осторожно постучали. Панин и фон Пален удивлённо переглянулись: кого это принесло в столь поздний час? Не дожидаясь приглашения, в комнату вошёл невысокий грузный человек. Одет он был не по правилам Гатчинского государства: малиновый бархатный колет; лосины нежно-розового цвета; башмаки с огромными блестящими пряжками. Лицом он тоже не походил на северянина. Смуглая гладкая кожа, совиные тёмные глаза и хищный горбатый нос. Мясистые губы слегка растянуты в угодливую улыбку. Вид у человека был нездешний и слегка отталкивающий.

– Разрешите? – произнёс он нагло.

– Милости просим, – ответил фон Пален. – С кем имеем честь?

– Кутайсов, Иван Павлович, гардеробмейстер Его Высочества.

Мы по очереди представились.

– Рады вас видеть, – сказал фон Пален. – Аракчеев нам о вас рассказывал.

– Ах, что хорошего может сказать обо мне этот солдафон, – недовольно скривил губы гардеробмейстер. – Для него, кто не в военном мундире – тот недостойная тварь. А у меня, знаете, должность ответственная. Я парикмахерскому искусству учился в Париже и в Берлине у лучших мастеров.

– А к нам, вы, с каким вопросом? – с нетерпением подал голос Панин, которому ужасно хотелось поскорее лечь в кровать.

– Я по весьма деликатному дельцу. – Он повернулся к фон Палену. – Не ошибаюсь, вы же генерал-губернатор Курляндии?

– Да. Нахожусь в этой должности с прошлой осени. До этого три года был правителем Рижского наместничества.

– Вот вы мне и нужны, – расплылся Кутайсов в жабьей улыбке. – Решил я приобрести земли в Курляндии. Да боюсь оплошать. Места те не совсем хорошо знаю. Может, вы мне, как-нибудь, дадите пару советов?

– С удовольствием, – с готовностью ответил фон Пален.

– Вот и отлично! – обрадовался Кутайсов, достал из кармана колета золотую табакерку, усыпанную изумрудами. Достал таким образом, чтобы все могли полюбоваться столь дорогой вещичкой. Открыл крышечку. Предложил нам ароматный табак. Все, и я в том числе, вежливо отказались. Тогда он сам набрал щепоть, сунул в широкую ноздрю, зажмурившись, с удовольствием чихнул, спрятал табакерку обратно в карман.

– Как здоровье Павла Петровича? – осторожно поинтересовался Панин.

– Припадок прошёл, если вы об этом, – беспечно ответил Кутайсов. – Здоровьем наследник никогда не отличался. Вечно хворает, вечно простуды, а уж эти припадки у него часто случаются. Никакие лекари помочь не могут. Светила медицины из Франции, из Германии, даже из Турции приезжали. Осматривали, какие-то порошки прописывали – все без толку. А надо-то ему всего лишь покой. Он, знаете, все в делах, все в суете с утра до ночи. – Кутайсов понизил голос. – И уж очень беспокоится об этом манифесте.

– О каком? – заинтересовался фон Пален.

Императрица, говорят, сочинила манифест. Написала его втайне от всех. Сама же запечатала и строго-настрого приказала вскрыть только после её кончины. А в нем Её Величество требует, – он заговорил почти шёпотом, – чтобы власть передали Великому князю Александру, а Павла Петровича уехали бы в Петропавловскую крепость, а потом – на Соловки. Вот так. – Он скорчил печальную гримасу.

– Если никто не видел текст сего манифеста, то откуда такие слухи? – не поверил Панин. – При дворе много всякой чепухи несут. Не стоит всему верить.

– Не чепуха! – обиделся Кутайсов. – Мне сам Александр Павлович, Великий князь о том поведал. А ему императрица, матушка наша, намекала. Впрочем, не хотите – не верьте. Спокойной ночи. Рад был с вами познакомиться.

И он удалился, так быстро, как будто чего-то испугался.

– Что скажете об этом человеке, господа? – усмехнулся фон Пален.

– Мерзкий тип, – брезгливо передёрнул плечами Панин.

– А ведь он каждый день приставляет лезвие бритвы к горлу наследника.

– Бладобрей – он и есть бладобрей, – с нескрываемым презрением кинул Панин и рухнул на тахту. – Он же без роду, без имени. Насколько помню, его генерал Репнин взял в плен при Бендерах. Он был маленьким мальчиком. Потом Николай Васильевич прислал его наследнику в подарок.

– А я слышал, что его освободили из турецкого плена, когда генерал Топалев освобождал Кутаиси, – высказал свою версию фон Пален. – И что он не турок, а чистокровный грузин, да ещё княжеского рода.

– Княжеского рода? – привстал на локтях Панин. – Да вы на рожу его льстивую посмотрите. Разве это князь?

– Тише, тише, Никита Петрович, – зашипел на него Фон Пален. – Какой же вы неосторожный, а ещё при дворе служили. У стен есть уши. Вот увидите, этот самый Кутайсов лет через пять в графы выбьется, а то и в князья. – Фон Пален обратился ко мне: – Вот вам, молодой человек, две лестницы, по которым можно взобраться, чтобы сделать себе имя и состояние: первая – Аракчеев, как верный и преданный пёс, и вторая – Кутайсов, льстивый угодник. Оба пути трудные. Вам надо выбирать, ведь у вас нет влиятельных родственников или покровителей.

– Покровителей нет, – согласился я. – Но путь Аракчеева мне более приемлем. Уж лучше воевать, чем борозды брить.

– Достойный ответ, – усмехнулся фон Пален и одобрительно похлопал меня по плечу.

– Господа офицеры! Подъём! Форма парадная! – разнёсся в гостиной громкий голос Аракчеева. Офицеры вскакивали с постелей. Слуги внесли свечи.

– Господи! – в ужасе воскликнул Панин, взглянув на циферблат золотых часов, вынув их из кармашка жилета. – Ещё только четыре утра!

– Уже четыре утра, – безжалостно поправил его Аракчеев.

– А где мой лакей? – поинтересовался Панин. – Кто мне поможет одеться?

– Сами, уважаемый Никита Петрович. Сами! Никаких лакеев, – поторапливал Аракчеев.

– Кофе в постель не подать? – издевательски засмеялся фон Пален, натягивая ботфорты. – Торопитесь. Опоздаем к построению, потом останемся без завтрака.

Жуткий ледяной ветер гулял по плацу, пытаясь задуть факела. Редкие снежинки кружились в бешеном вихре. Сквозь рваные облака проглядывали звезды. Иногда показывалась неполная луна. Ровными шеренгами застыли полки гренадёров и егерей. Эскадроны кирасир, драгунов и гусар подтягивались к флангам.

Наследник в парадном мундире, под знамёнами Гатчинского государства уже стоял на парапете у главного входа и внимательно наблюдал за построением. Справа и слева от него застыли адъютанты.

– Опаздываете! – упрекнул он Панина и фон Палена. – Слева от меня, – указал наследник.

Подбегали командиры подразделений и докладывали: сколько больных, сколько в наряде и какие есть жалобы от рядового состава. Когда подбежал очередной командир роты гренадёров, Павел Петрович недовольно сдвинул брови:

– Почему вы докладываете, капитан Стошев? Где майор Коганов?

– Подвернул ногу, – ответил капитан. – Нынче в лазарете.

Бригадир Панин, Никита Петрович, – окликнул наследник. – Приказываю вам на время вахтпарада возглавить роту.

Панин удивлённо захлопал глазами, открыл было рот, чтобы возразить.

– Цыц! – толкнул его локтем фон Пален. – Выполняйте.

– Но я не умею, – протестующе шепнул он.

– Вы сдурели! – так же шёпотом возразил фон Пален. – Бригадир, и не умеет командовать ротой? Выполняйте, ради бога! Иначе загремим на гауптвахту.

– Слушаюсь! – гаркнул Панин и побежал вслед за капитаном Стошевым.

– Фон Пален, приказываю возглавить вахтпарад, – не унимался наследник.

Губернатор Курляндии шёпотом выругался и громко ответил:

– Слушаюсь!

Поспешил в центр плаца.

– А вы что там застыли? – набросился наследник на меня. – Ваша батарея вон, справа выстроилась.

– Слушаюсь! – и я бросился в указанном направлении.

Статный, седой секунд-майор с недоумением посмотрел, как я пристраиваюсь к шеренге.

– Назначен вашим командиром, – виновато объяснил ему.

– Становитесь рядом, – все понял секунд-майор. – Шпагу наголо. Маршировать прусским шагом умеете?

– Нет. Если честно признаться, совсем никаким не умею.

– Тогда следите внимательно за мной. Ничего страшного, ничего сложного, – успокоил меня бывалый вояка.

– Прекратить разговоры! – рыкнул в нашу сторону Аракчеев, возглавлявший артиллерийскую бригаду.

Срывая голос, фон Пален отдавал команды к началу вахтпарада. Взвизгнули флейты, загрохотали барабаны. Звуки марша ветер то уносил, и музыку еле было слышно, то усиливал. Полки тронулись по плацу, будто огромная часовая пружина двинула сложный механизм. Повороты, остановки, развороты выполняли слаженно, чётко. Наследник наблюдал молча, внимательно следя за каждым подразделением. Скулы его напряглись. Кисть правой руки сжималась и разжималась в такт шагов. Когда мимо него Панин вёл свою роту, он неодобрительно покачал головой и назидательно произнёс:

– Лентяй, вы, голубчик. Солдаты лучше вас ногу тянут.

Меня он заметил сразу. По позвоночнику скатилась струйка нервного пота, невзирая на промозглый ветер.

– Старайтесь, старайтесь! – крикнул мне Павел Петрович. – Вот так! Да что ж вы сутулитесь? Разверните плечи, гвардеец!

Фон Пален по-немецки давал команды: менять направление движения, выполнять фигуры разворота или пазы с оружием. Вахтпарад продолжался около получаса. Наконец была дана команда финального построения, после чего полки развели по казармам.

За завтраком, который состоял из краюхи белого хлеба с куском солёного сыра и чашки несладкого кофе, Павел Петрович делал замечания офицерам: иных хвалил, а были и такие, которые получали выговор.

– Я не думал, что вы справитесь, – обратился он к фон Палену. – Сказать, что я удивлён – не верно. Я восхищён вами.

– Мне весьма лестно слышать от вас столь незаслуженную похвалу, – скромно ответил фон Пален.

– Откуда такие познания в муштре?

– Я сам из Курляндских дворян, и многие мои родственники служили в армии Фридриха Великого.

– А вы труды самого Фридриха читали?

– Изучал. В них есть много интересного и полезного в плане устройства армии и государства.

– Вы мне нужны, – решил Павел Петрович. – Я попрошу императрицу, чтобы вас перевели в моё распоряжение. В Курляндии сейчас все спокойно. Найдут другого губернатора. Бездельников при дворе полно.

– Приму за честь, – ответил фон Пален жарко, но неискренне. – Однако имею к вам одну просьбу.

– Какую же?

– Прошу отпустить меня и Панина в Петербург. Как только разделаюсь с делами, думаю день-другой, тут же прибуду в Ваше распоряжение.

– Езжайте, – тут же согласился Павел. – Панина я не хотел так быстро отпускать: уж очень собеседник интересный. Я тут наметил совершить боевой манёвр из Гатчины в Павловское. Представляете, с полной выкладкой, с артиллерией, со стрельбами и взятием водных преград – все по-настоящему. Хотел, чтобы Панин возглавил штурмовую колонну.

– Панин, он, конечно, вояка отважный, – согласился фон Пален. – Слышал, в Шведскую компанию даже с эскадром драгунов орудие отбил. Но вот, в чем его беда: недалече, как вчера вечером прохаживались мы с ним вдоль рва.

– Когда это? – хотел возразить Панин, но фон Пален под столом наступил ему на ногу: – молчи!

– Так вот, – продолжал он. – К нему на сапог прыгнула лягушка, и он чуть не потерял сознание.

– Это правда? – спросил наследник, в упор взглянув на Панина.

– Смертельно боюсь всяких тварей, – брезгливо передёрнул тот плечами.

– Представляете, Ваше Высочество, если при форсировании водной преграды во время манёвров на Никиту Петровича нападёт эдакая зелёная жаба? Все – штурмовую колонну вы потеряли.

Офицеры грохнули смехом. Панин пожал плечами – а что я сделаю? Павел Петрович не смеялся. Он прекрасно понимал, что вся эта история – вранье. Фон Пален встретил пристальный взгляд наследника и покраснел.

– Возьмите с собой Доброва, – сказал Павел Петрович. – Пусть передаст от меня письмо Римскому-Корсакову. Он сейчас командует Семёновским полком. Добров получит все необходимые документы и прибудет обратно в Гатчину. А насчёт тварей, – недобро взглянул он на Панина. – Вы видите в них гадких, мерзких существ, а представьте, что они думают, глядя

на вас? Человек в их глазах, может быть, тоже гадкое и мерзкое чудовище. Так что, ко всем творениям Божиим надо относиться с уважением.

До Петербурга решили ехать в карете Панина. Так веселее. Да и карета Никиты Петровича широкая, вместительная. Узкий двухместный экипаж фон Палена ехал следом порожняком.

– Я вам весьма благодарен, что вы вырвали нас из замка дракона, – сказал Панин, доставая из саквояжа бутылку вина. – Настоящее, Рейнское, – похвастался он.

– Ох, чувствую, припомнит мне наследник эту выдумку с жабой, – поморщился фон Пален.

– Откройте тайну, как вам удаётся так легко разговаривать с наследником, так просто отшивать Аракчеева, легко заводить дружбу с такими типами, как Кутайсов, да и вообще вести себе по-хозяйски в любой ситуации?

– Простите меня, Никита Петрович, вам сколько?

– Четверть века.

– А мне уже половина. Я старше вас в два раза. Потом, прошу не обижаться, но многих титулов вы достигли благодаря орденосному отцу и умнейшему дяде.

– Согласен, есть такой грешок, – развёл руками Панин. – И ничуть не обижаюсь на ваши слова.

– А я, видите ли, все сам добивался, честной службой, ну и интригами... Куда без них? Так, вот, научился держать себя правильно в любой ситуации. Знаете, я есть натура, что-то между Аракчевым и Кутайсовым.

– Бросьте вы! – Панин подал ему медную чарку с вином. – Мне же известна ваша роль в присоединении Курляндии к России. Если б не ваша настойчивость и изворотливый ум...

– Все равно бы присоединили, – махнул рукой фон Пален. – Дело было решённое. А почему вас в Ровно сослали? Вы же, помнится, были при дворе, камергером.

– Трудно сказать, – пожал плечами Панин. – Не схожусь с людьми. Говорят, взгляд у меня холодный, и вообще – облик, что у статуи. Дамское общество не устраиваю: видите ли – гордый слишком.

– Ах, вот оно что, – рассмеялся фон Пален. – С дамами надо быть обходительней. Да и друзей не обижать. Вон, что это вы Семёну не налили вина?

– Спасибо, господа. Я воздержусь, – поспешил запротестовать я.

– Это вы бросьте, Семён Иванович. Коль попали в компанию, уважьте товарищей. – И фон Пален протянул мне наполненную чарку. – Иначе мы подумаем, что вы – шпион.

Я же в семнадцать лет получил звание бригадира, – поведал свою историю Панин. – Императрица ни в одну военную компанию Павла Петровича не отпускала, боялась за него. А тут в восемьдесят восьмом, в Шведскую компанию Павел все же настоял, и его царица отпустила. Отец мой сразу же отправил меня следом, волонтером, чтобы я был ближе к наследнику. Ну и бестолковая война, я вам скажу. Мы проигрывали, но как-то шутя: отходили, пушек и знамен не теряли. Шведы побеждали, но с ужасающими потерями. В итоге: король Густав так ничего и не выиграл, а только ослабил армию. Возвратившись из похода, я встретил на одном из балов фею, которая завладела моим сердцем.

– Вы говорите о Софье Владимировне, вашей супруге? – догадался фон Пален.

– Да, о моей Софьюшке. Но вы же знаете, она из рода Орловых. А мой батюшка смертельно враждовал с этим семейством. Он так и не дожил до моей свадьбы.

– Земля ему пухом, – перекрестился фон Пален. – Давайте выпьем за упокой души его. Не чокаясь, опрокинули по чарке вина.

– Но вы, как изволили только что сказать, своими трудами и честной службой добились столь высокой должности, – напомнил Панин. – Как вам удалось?

– Ну, я-то немного покривил душой, – признался фон Пален. – На самом деле ваш покорный слуга происходит из древнего остзейского дворянского рода. Отец мой – барон. Аренд Дитрих Пелен был известный в Курляндии человек. Вёл родословную ещё от тевтонских рыцарей. Род старинный, но немецкий, посему в российских делах не прославлен. Пришлось собственной доблестью делать карьеру. Интриги, конечно, интриги. А куда без них: без лести, без взяток?

– А воевали вы где? – поинтересовался Панин.

– С турками. Начинал в конной гвардии. В Первой Турецкой ранен под Бендерами, за что получил Георгия четвертой степени; во Второй, за взятие Очакова – Георгия третьей степени. Ранение дало о себе знать, пришлось оставить военную службу и перейти на дипломатическую. Вот, вёл переговоры о присоединении Курляндии и Пильтенского округа к Российской империи. Как видите – удачно. Ну, что ещё обо мне хотите услышать? Женат на Юлии Ивановне фон Шеппинг. Нажил десятерых детей.

– Десятерых? – не поверил Панин.

– Представьте! И все, слава Богу, живы и в здравии. Старшей Натали, двадцать два исполнилось, а младшему Николаусу только шесть годков.

– Вы – счастливчик. Но поведайте мне, Пётр Алексеевич, если это не составляет большого секрета, по какому делу в Петербург едите? – спросил Панин, хитро прищурился один глаз.

– Нет никакого секрета, – просто ответил фон Пален. – Дочь моя, Софья воспитывается при Императорском обществе благородных девиц. Слыхали о таком? Матушка Императрица утвердила сие воспитательное заведение пять лет назад, дабы дать России образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества. Её Величество, поклонница прогрессивных идей Монтеня, Локка и Фенелона.

– Кадетский женский корпус? – усмехнулся Панин.

– Зря острите. Готовят их отменно: языки, танцы, этикет – все на высшем уровне. Ученицам Сен-Сирского института далеко до наших дочерей. Мадмуазель Софии прочат должность фрейлины.

– Вот как! – выразил искренне восхищение Панин. – Поздравляю. Но все же, хоть вы и говорите, что старше меня в два раза и опытнее в делах, но я тоже чувствую людей. – Он бросил косой взгляд на собеседника. – Скрываете вы что-то.

– Не доверяете? – прищурил в ответ один глаз фон Пален.

– Ну, если начистоту.

– Хорошо, давайте начистоту, – согласился генерал-губернатор Курляндии. – Я вижу в вас благородного и честного человека. Да и дурного о вас ничего не слышал. Так что, могу довериться. Только учтите, отныне вы идёте со мной рука об руку, хоть на парад, хоть на эшафот.

– Согласен! – махнул рукой Панин. – Но, если дело стоит того.

– Стоит, я вас уверяю, – загадочно произнёс фон Пален. – И Семён теперь наш сообщник. Ну, так говорите! – загорелся Панин.

– Учтите, я доверился вам.

– Слово дворянина – не погублю и не предаю, – слегка обиделся Панин.

– Вы помните год назад, а может того меньше объявился некий пророк из Никола-Бабаевского монастыря?

– Да, что-то припоминаю, – кивнул Панин. – Кажись, монаха Авелем звали. Книжку неугодную сочинил с какими-то пророчествами, за что и был заключён в Шлиссельбургскую крепость.

– Если бы каждого монаха за книжки в Шлиссельбургскую крепость сажали – казематов бы не хватило, – усмехнулся фон Пален. – А книжка у него была не простая. В ней описаны

многие события, которые свершились и должны свершиться. И заметьте, ни в одном своём пророчестве этот Авель не ошибся.

– Так за что его в крепость?

– Вот! – фон Пален многозначительно поднял указательный перст и, понизив голос, таинственно произнёс: – За предсказание смерти императрицы.

– Господь с вами! – Панин испуганно перекрестился. – Откуда вы знаете?

– Из уст того, кто его допрашивал. Да и сама императрица с глаза на глаз беседовала с монахом, после сего и приказала заточить его, дабы не болтал лишнего.

– И когда сие несчастье должно случиться?

– На днях.

Вы шутите? – Панин испуганно вытаращил глаза и принялся неистово креститься.

– Помилуйте, Никита Петрович, кто такими вещами шутит, – обиженно фыркнул фон Пален.

– И вы хотите этим воспользоваться? – Панин пристально взглянул на него.

– Почему бы – нет. Новый император будет раздавать должности новым людям. Если заметили, Павла Петровича не очень жалуют при дворе. И он нынешних министров недолюбливает. Возможно, мы только что проявили себя с лучшей стороны перед будущим вседержителем. Если бы вы ещё не выкаблучивались, возможно, уже готовились на высокую должность.

– А вы, однако, дьявол! – с уважением произнёс Пани.

– Чего и вам желаю, – посоветовал фон Пален и выпил очередную чарку вина.

– За нас и нового императора! – согласился Никита Петрович и тоже выпил.

– Простите, господа, но мне ужасно неприятно слышать от вас такие речи! – возмутился я и не стал пить.

– А вы привыкайте, – холодно ответил генерал-губернатор Курляндии. – Ещё не к такому придётся привыкать, если, конечно, не хотите всю жизнь тянуть ляжку где-нибудь под Оренбургом и окончить службу пьяницей-полковником.

– Хочу признать, что Семён Иванович – умнейший человек, – попытался защитить меня Панин.

– Я понимаю. Наследник просто так не поставил бы его командиром батареи. И чем же вы так понравились Павлу Петровичу?

Лицо фон Палена сделалось каким-то деревянным, глаза безжизненные. Стало не по себе, глядя на него. Как будто стоишь голый перед толпой.

– Он хорошо разбирается в математике. Превосходно знает языки: французский, немецкий, английский, латынь...

– Английский? – встрепенулся фон Пален. – И насколько хорошо вы понимаете английский?

– Превосходно, как и русский, как и французский, благодаря матушке, – ответил я. – Она из старинного шотландского рода.

– Вот оно что! – серьёзно задумался фон Пален. – А не соизволите провести сегодня вечер со мной. Уж сильно вы мне пригодитесь.

– Почту за честь, – заверил я. А что мне ещё делать вечером в незнакомом городе?

– Вот и отлично. Я перед вами буду в неоплатном долгу.

Какое-то время мы ехали молча. Я находился под впечатлением пребывания в Гатчинском замке. Сразу столько нового обрушилось на меня, что я никак не мог поверить, что все со мной происходит наяву. Я внезапно попал в другой мир.

– Что с вами, Семён? – обратил на меня внимание фон Пален. – Вы выглядите, как будто вас контузило в голову.

Вы не могли бы мне рассказать о наследнике? – попросил я.

– О Павле Петровиче? А что вы хотите о нем знать?

– Все!

– Все я не знаю, но Никита Петрович мне поможет. Уж он-то хорошо осведомлён.

– Кое-что, – кивнул Панин.

– Как вам известно, – начал фон Пален. – Павла Петровича родила, тогда ещё, Великая княгиня Екатерина в двадцать пять лет. Я правильно говорю?

– Да, вы совершенно правы, – откликнулся Панин. – Двадцать пять. В шестнадцать лет её привезли в Россию. Пётр третий был племянником матушки Елизаветы и объявлен наследником престола.

– Насколько я помню, у Петра был какой-то мужской дефект, – вспомнил фон Пален. – Вы нас простите, Семён, может это и анекдот. Но вся история построена на анекдотах.

– Нет, не анекдот. Он действительно обладал дефектом, – подтвердил Панин, – посему целых шесть лет супруги жили раздельно, и Пётр не показывался в спальне у жены.

– Зато, как мне известно, в эту спальню зачастил граф Сергей Салтыков, бывший тогда на должности камергера. – Сергей Васильевич ещё тот Ловелас, – кивнул Панин.

– Но Павел Петрович, все же сын Петра третьего? – попросил уточнить я.

– Его долго уговаривали и все же уговорили на небольшую операцию, – сказал Панин. – Всего-то делов – один надрез – и он уже нормальный мужчина.

– Вот, тогда-то матушка наша и забеременела.

– А сама матушка Екатерина откуда происходит? – спросил я.

– Город Штеттина, столица Померании. Знаю, что отец её, Кристиан Август Ангальт-Цербский, происходил из цербст-дорнбургской линии Ангальтского дома и состоял на службе у прусского короля. Он был полковым командиром, комендантом, затем губернатором города Штеттина, где будущая императрица и появилась на свет. Как-то он даже баллотировался в курляндские герцоги, но неудачно, службу закончил прусским фельдмаршалом. Так что, как её звали до крещения? – спросил фон Пален у Панина.

Панин задумался, вспоминая, через минуту сказал:

– Если не изменяет память, принцесса Фредерика София Августа Ангальт-Цербстская. А после крещения – Екатерина Алексеевна.

– Так вот, – продолжил фон Пален. – Основная её задача была произвести наследника российского престола, что она с честью и выполнила в сентябре пятьдесят четвёртого. Счастливая мать просила показать ей ребёнка, но не тут-то было. Матушка Елизавета тут же приказала отнести младенца в её покои. У Императрицы были свои виды на ребёнка: он принадлежит Российской империи. Его окружили заботами кормилицы и няньки.

– Да, это печальная история, – подтвердил Панин. – Мать не допускали к младенцу. Лишь пару раз разрешила матушка Елизавета взглянуть на ребёнка, и то, с её личным присутствием.

– Няньки же были из простых, – продолжал фон Пален. – А сами знаете поговорку: у семи нянек дитя без глаза. Вот и нашего маленького Павле Петровича кутали, пеленали, укрывали... В итоге мальчик рос болезненным. От малейшего сквозняка тут же подхватывал насморк, вечно болело горло, да и желудком был он слаб.

– Вы бы нянек его видели, – усмехнулся Панин. – Была из них старшая, Агафья. Нет, чтобы мальчику былины про богатырей рассказывать, она все ему про чертей, да про утопленников. После этих сказок Павел Петрович боялся любого шума. Спал только со свечой. Однажды матушка Елизавета пришла к нему со своим шутом-карликом. Павел принял его за чёрта. Такую истерику закатил, что его еле успокоили. После этого матушка Елизавета решила приставить к ребёнку воспитателя Фёдора Бехтерева.

– Посланник при Версальском дворе? – попросил уточнить фон Пален.

– Да. Обладал хорошими манерами. Тонко разбирался в придворном этикете. И вообще – слыл остроумным и начитанным.

– Почему уже его вскоре отставили?

– Разве мог Бехтерев сравниться с моим дядюшкой, Никитой Ивановичем?

– Ну, конечно же, – рассмеялся фон Пален.

Вы не представляете, что за человек мой дядюшка! С ним поговоришь, и чувствуешь себя вошью, ничтожеством. Он, казалось, знал все, разбирался во всем. Искуснейший дипломат. Двенадцать лет удачной работы в Стокгольме. Наследнику нужен был именно такой просвещённый наставник.

– И как же он взялся за воспитание Павла Петровича? – поинтересовался я.

– У него были очень интересные методы. Не просто воспитывать малыша с неуравновешенной психикой. Попробуй-ка! Павел Петрович рос капризным, неусидчивым. Никита Иванович приставил к нему шесть лакеев. Лично отбирал, чтобы были спокойные, внимательные, ответственные. Вот эти лакеи бегали за Павлом Петровичем и выполняли все его капризы. А между играми, когда ребёнок слегка утомлялся, Никита Иванович ненавязчиво предлагал Павлуше заняться наукой. Дядюшка сам потом признался, что Павел Петрович был способным ребёнком. Он быстро освоил грамматику и арифметику. Научился читать и свободно говорить на французском и немецком.

– Говорят, он очень любил читать Библию, – вспомнил фон Пален.

– Да, дядюшка мне говорил, что во время чтения Псалмов, по щекам мальчика вечно текли слезы. А ещё у него была странная черта характера: он совершенно не разделял плохие поступки и хорошие, милосердие и жестокость. Он мог пустить слезу по поводу несчастной собачки, которая мёрзнет на улице под дождём, и, в то же время, с азартом швырял камнями в кошку.

– А как родители на это смотрели? – спросил я.

– Матушке Елизавете некогда было заниматься ребёнком, – ответил фон Пален. – На её плечах забота о государстве Российском. Матери, как я уже говорил, было запрещено видеться с ребёнком. Впрочем, у неё появилось новое увлечение. Салтыкова после рождения Павла отправили в Стокгольм. Но свято место пусто не бывает. Екатерина Алексеевна увлеклась секретарём английского посла Станислава Понятовского, в будущем последнего короля Польши. У отца же было иное увлечение. Он болел пруссоманией. Пётр в Ораниенбауме строил какую-то крепость. Выписал из любимой Голштинии солдат и занимался с ними манёврами. А тут Екатерина Алексеевна вновь забеременела, и явно не от него.

– Ох, и суматоха тогда поднялась во дворце, – вспомнил Панин. – Понятовского тут же выперли в Польшу. Петра уговорили всеми правдами и неправдами признать ребёнка своим. Родилась дочь. Её крестили Анной Петровной. Красивый ребёнок, явно не от Петра. Мог вскоре возникнуть скандал. Но Анна вскоре умерла, и про этот инцидент постарались быстро забыть. После этого матушка Елизавета вызвала моего дядюшку на серьёзный разговор. Она изложила ему свои мысли по поводу будущего императора. По её мнению, Пётр абсолютно не подходил для управления такой огромной державы, как Россия. Она называла его бездарным мальчишкой, способным только играть в солдатики. Следующим царём должен стать Павел. Императрица потребовала, чтобы дядюшка подошёл к воспитанию будущего правителя с полной ответственностью.

– Ваш дядюшка поистине гениальный человек, если смог из сумасбродного мальчишки воспитать государственного мужа, – сказал фон Пален.

– Да, представляете, как нелегко ему пришлось. Мальчишка, пусть и наследник, был разбалован и не обуздан. Гнев его неожиданно сменялся на искреннюю нежность, то вдруг опять переходил в жестокую злость. Но Дядюшка, имея железную выдержку и опыт дипломата, смог войти в доверие к Павлу Петровичу, приручил его и направил все его эмоции в нужное русло. Учтите, что наследник ещё ребёнком был лишён родительской любви. Он не знал, что такое материнское тепло. Конечно же, это – ужасно: сирота при живых родителях. Помню, как

дядюшка рассказывал о том, что Павел часто интересовался: как живут другие дети? Их тоже воспитывают кормилицы? Матерей так же к ним не пускают?

– Не представляю, как Никита Иванович выворачивался, – согласился фон Пален. – Помните, тогда ещё началась война с Пруссией. Вначале мы проигрывали, а потом такого пинка дали Фридриху Великому, что он сдал Берлин. Петра это привело в уныние. Он мечтал о союзе с Пруссией, а матушка Елизавета наоборот, поддерживала тесные отношения с Францией и Австрией. Тогда ко двору зачастил барон де Бертель, посланник Людовика. Он пытался убедить матушку Елизавету отстранить от наследия Петра и напрямую передать корону внуку. Она даже начала подумывать отправить племянника куда-нибудь в Германию с долгой миссией. Опасалась, что Пётр, управляемый Голштинским двором, ещё чего доброго задумает покушение на неё. Не знаю, правда это или нет, но говорят, что однажды в компании своих голштинцев, в подпитии, Пётр раскрыл планы на будущее. Он ждёт – не дожждётся, когда матушка Елизавета скончается. Тогда он начнёт масштабные преобразования в стране. Прежде всего, он объявит свою супругу Екатерину в неверности и разведётся. Павла же он объявит незаконнорожденным и тем самым лишит его престолонаследия. Мать и сына отправит в Шлиссельбургскую крепость на вечное заточение. А новой императрицей станет его любовница, Елизавета Воронцова. И были определённые династии, которые хотели её видеть на троне, рядом с императором.

– Однако в шестьдесят первом матушки Елизаветы не стало, – развёл руками Панин. – А Павлу Петровичу тогда шёл восьмой год.

– Я помню, как пришёл приказ в войска приостановить наступление и отступить. В то время мы заняли Берлин, а непобедимая армия Фридриха драпала, сверкая пятками. Наши офицеры и солдаты приняла этот приказ, как предательство. Но России, возможно, это принесло облегчение. Все же семилетняя война сожрала всю казну. Но союзники в лице Франции и Австрии были в недоумении от столь резкого поворота событий. А какое послание Пётр написал Фридриху, восхищаясь им и заверяя в дружбе? Сам Фридрих принял своё спасение за чудо, ниспосланное небом. Он уже готов был распрощаться с Восточной Пруссией, а тут – такой подарок!

– Сепаратный мир возмутил всех, – вспомнил Панин. – Россия не только отказывалась от всех завоёванных земель, но и готова была объединить армии в борьбе с вчерашними союзниками.

– Офицеры срывали с себя ордена, – грустно произнёс фон Пален. – Их лишили славы, завоёванной невероятными усилиями. Тысячи убитых и раненых были принесены в жертву напрасно. А ещё Пётр больше настроил армию против себя, когда решил переодеть солдат в прусскую форму.

Во многих полках вместо отцов-командиров были поставлены выходцы из Голштинии, которые даже по-русски не говорили.

– Зачем-то сунулся реформировать церковные порядки, – вспомнил Панин. – Рясы поменять на пасторские рединготы. Бороды священникам сбрить. Да ещё решил провести секуляризацию части имущества церкви. Отняв земли у монастырей, он ополчил против себя духовенство.

– Гроза должна была грянуть раньше, – сказал фон Пален. – Но помните, какой он делает хитрый ход: создаёт указ, освобождающий шляхетство от военной обязанности в мирное время и закрепляет за дворянами право на владение крепостными. То бишь теперь мужики стали собственностью, согласно реестру, как и поголовье скота. Этим указом он подкупил дворянство.

– Но из-за этого начали вспыхивать крестьянские бунты, – напомнил Панин. – Помните, сколько поместий сожгли.

Пришлось в ситуацию вмешиваться армии.

– И в этот момент гвардию начинают подбивать к неповиновению брата Орловы. Многие офицеры их поддерживают.

– Надо сказать, что и мой дядюшка принимал непосредственное участие в подготовке к перевороту. Только он думал, что станет регентом при малолетнем императоре. Но у матушки Екатерины были свои планы.

– Главное событие произошло в конце июня шестьдесят второго, – сказал фон Пален с ехидной улыбкой. – Пока Пётр развлекался в Ораниенбауме, матушка Екатерина тайно покинул Петергоф, где он держал её под арестом, и приехала в Петербург. Здесь её уже ждали. Духовенство и гвардия поддержали переворот. В Зимнем дворце в присутствии дипломатов и высших чиновников Екатерину объявили спасительницей России. Я помню, как на площади перед дворцом собралась огромная толпа народу. Требовали показать императора. Екатерина вышла на балкон в мундире гвардии Семёновского полка. На руках она держала перепуганного Павлушу. Толпа взорвалась приветствиями, так, что стены Зимнего содрогнулись. На следующий день Екатерина во главе восставших полков направляется в Петергоф, откуда прислала своих эмиссаров к

Петру в Ораниенбаум с актом об отречении от престола. У Петра было два выхода: отречься или погибнуть. Его голштинцы готовы были оказать сопротивление, но их было слишком мало, да и сам Пётр струсил.

– Дядя мне рассказывал, что Пётр разрыдался, как ребёнок, молил о пощаде, просил отпустить его в родную Голштинию. В конце концов, сам переписал акт, где полностью отрекся от Российского престола без всяких условий. Подписал его и передал эмиссарам. Дядюшка, от имени Екатерины гарантировал ему сохранение жизни, но за пределы России выезжать ему запретил. Теперь Пётр имел статус государственного узника и должен был следовать в Ропшу. Вроде бы мягко с ним поступили: ни в Петропавловскую крепость, ни в Шлиссельбург, а в прекрасный дворец в Ропше.

– Согласен с вами, – подтвердил фон Пален. – Ропша – чудесный уголок для охоты, прогулок и размышлений. Вот, пока Пётр горевал в этом дворце, Екатерина неделю спустя опубликовала манифест об отречении Петра и о её восшествии на царствие.

– Пётр Алексеевич, а вы были участником тех событий? – спросил я.

– Непосредственным, – кивнул он. – Но я был младшим офицером конного гвардейского полка. Наш полк одним из первых перешёл на сторону матушки Екатерины. Но моё участие в перевороте весьма незначительное. Всего лишь один из двадцати тысяч солдат и офицеров.

– И что же произошло дальше? – спросил я.

– Охрану Петра доверили Алексею Орлову, – сказал Панин. – Волку доверили стеречь козлёнка. Уж не знаю, что там произошло, все как-то непонятно и неправдоподобно. Но официальная версия смерти свергнутого императора: скончался от геморрагического припадка, впад в прежестокую колику. Конечно же, полнейшая ерунда, но все сделали вид, что поверили. А иначе как? Иначе можно скомпрометировать новую императрицу: мол, взошла на трон через кровь, через убийство.

– Похоронили Петра в Александро-Невской лавре, – сказал фон Пален.

– А почему не в царской усыпальнице, в Петропавловском соборе? – спросил я.

– В том-то и дело, – ответил Панин. – Петра не успели короновать, значит, он не царская особа, и не обязан быть похоронен рядом с Петром Великим. Да и похоронил его как-то быстро без всякой помпезности. Ни Екатерина, ни Павел Петрович не присутствовали на погребении.

– А матушка Екатерина, вопреки партии тех, кто желал видеть её всего лишь регентшей, к ним относился и ваш дядюшка, короновалась в Москве с благословения церкви.

– Чтобы дядюшка не возмущал общественность, царица возвысила его в ранг личного советника. После этого назначения он не мог полностью отдавать себя воспитанию Павла, поэтому царевичу назначили лучших педагогов. Франц Урлих Эпинус – известный учёный,

преподавал ему математику. Анри Николаи, Франсуа Лаферье и Лавек преподавали языки и литературу. Заметьте, приглашён был лучший богослов, умнейший человек, архимандрит Платон. Ну, а Григорий Николаевич Теплов, тот самый, что составлял манифест об отречении Петра, преподавал политические науки, в том числе и устройство государства, законотворчество, юриспруденцию. Сами понимаете: с такими учителями Павел Петрович получил блестящее образование. Но Никита Иванович думал, впрочем, как и многие из его партии, что к шестнадцатилетию царевича они подготовят России просвещённого монарха, и он вступит на престол, а его мать отойдёт на второй план.

– Вы ещё забыли сказать про Семена Порошина, – напомнил фон Пален.

– Да, конечно, воспитатель маленького Павла, – согласился Панин. – Знаю, что он был из простого дворянского рода. С отличием закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. При нем же был оставлен учителем геометрии и арифметики. После был замечен Петром и возведён в ранг флигель-адъютанта. Дядюшка мой выделил его и приставил к Павлу. Порошин был удивительным человеком: воспитанным, выдержанным и преданным.

– Почему же ваш дядюшка его потом отставил, да ещё сослал в действующую армию, при этом не в гвардию, а в Старооскольский пехотный полк? – спросил фон Пален.

– Тёмная история, – пожал плечами Панин. – Говорят, он вёл дневник, где подробно записывал обо всем, что происходит при дворе. Как-то записи попали к моему дядюшке.

Но ходят ещё слухи, что в опале Порошина повинна фрейлина Анна Петровна Шереметьева. Порошин в неё влюбился и даже пытался посвататься. Но на неё имел виды мой дядюшка. Анна Шереметьева являлась наследницей огромного состояния государственного канцлера, князя Алексея Михайловича Черкасского. А тут какой-то Порошин из нищих шляхтичей, никому не известных.

– Но ваш дядюшка все же с ней был помолвлен, – напомнил фон Пален.

– Мало того, готовили грандиозную свадьбу. Но несчастная девушка заболела чёрной оспой и скончалась. Вот, так распорядилась судьба. Порошин тоже умер через год. Тоже – молодым.

– Судьба! – Развёл руками фон Пален.

– А между тем, Павел Петрович подрос, и матушка Екатерина с ужасом заметила в нем привычки и склонности своего бывшего супруга. Его кумиром тоже стал Фридрих Великий. Царевича тянуло ко всему прусскому. К тому же возникла сильная неприязнь между Павлом Петровичем и Григорием Орловым, тогдашним фаворитом царицы. Решив, что сыну надо непременно жениться, дабы умерить спесь, Екатерина начинает подыскивать ему невесту. После долгой переписки с главным знатоком европейских дворов, бароном Ассбургом, выбор императрицы пал на дом Гессен-Дармштадский, в коем подросли три принцессы: Луиза, Амалия Фредерика и Августа Вельгельмина. Екатерина решила пригласить всех трёх претенденток в Петербург, чтобы Павел сам выбрал себе невесту.

– Я помню, Андрей Разумовский был отправлен с флотилией из четырёх кораблей за невестами. Каждой из претенденток предоставлялся целый фрегат.

– Да, за невестами был послан лучший друг Павла Петровича, Андрей Разумовский. Юноша с прекрасными манерами, остроумный и к тому же – красавец.

– И как проходили смотрины? – спросил я.

– Как обычно: беседы на разные темы, знание французского, танцы, этикет... Но Павел Петрович с первого же взгляда влюбился в Вильгельмину. И, как не странно, её величество одобрила выбор без колебаний. В августе семьдесят третьего, несмотря на протесты отца, ландграфа Гессен-Дармштадского Августа, Вильгельма была крещена в православную веру и получила имя Великой княжны Натальи Алексеевны.

– Как вы только все эти даты помните? – удивился фон Пален.

– Хорошая память и долгое служение при дворе, – объяснил Панин. – Венчание состоялось в сентябре в Казанском соборе. Был произведён грандиозный салют. Представляете, в этот день, по приглашению императрицы прибыл в Петербург Дидро. Он подумал, что салют дают в его честь. Я помню, какой грандиозный бал закатила императрица. Танцевали всю ночь. Приглашён был чуть ли не весь Петербург. Ужин на три тысячи персон, не считая фуршетов в перерывах между балетами.

– Что вы можете сказать о принцессе? – спросил фон Пален.

– Близко я с ней не общался, но хочу заметить, что девушка очень красивая, к тому же не глупая, образованная, но не зануда. Нрав у неё был весёлым, и в то же время она умела кокетничать тонко и непринуждённо. Павел влюбился по уши. Таким одухотворённым и мечтательным его ещё не видели. Матушка Екатерина вздохнула с облегчением. Её непутёвый сын был увлечён загородными поездками, охотой и иными развлечениями, поэтому не лез в политику и не мешал ей своими претензиями на престол. Но вскоре матушку императрицу начинает раздражать чрезмерная ветреность невестки. Наталия Алексеевна не желает учить русский язык, и вообще ей не нравится русский образ жизни. Она – немка, и немкой желает остаться. Екатерина обрушивается с упрёками на дядюшку. Но тот ничего не может поделать. Тогда она его удаляет из дворца, а на его место назначает генерала Николая Салтыкова. Павел негодовал по поводу нового гувернёра. К тому же Салтыков настойчиво советовал удалить от супружеской четы лучшего друга Павла, Андрея Разумовского. Павел Петрович возмутился, отправился к императрице и потребовал справедливости. Но царица жёстко поставила его на место. Вот тут-то и появилась пропасть в отношениях между матерью и сыном.

– Мне известно, что ваш дядюшка хотел поднять бунт или что-то в этом роде, – напомнил фон Пален.

– Да какой там бунт, – махнул рукой Панин. – Обиделся, конечно, что его отлучили от всех дел. Решил напомнить матушке Екатерине, что она народу и гвардии обещала передать трон, как только Павел Петрович достигнет совершеннолетия. Были у него сторонники. И немало. Даже в сенате несколько министров. С Павлом Петровичем он провёл беседу: мол, надо что-то делать. Не сидеть же ему в наследниках до глубокой старости. Но кто-то пронюхал. Скорее всего, генерал Салтыков и преподнёс царицы сей замысел, как подготовку переворота. Список заговорщиков составил. Матушка Екатерина пришла в неопикуемый гнев. А поделать ничего не может. Нельзя же арестовать половину сената, да дядюшку моего, как зачинщика, а вместе с ними и наследника. Вызвала она к себе сына и невестку. Вот тут Павел Петрович, извините за выражение, сдрейфил. Раскаялся во всем и умолял забыть сей нелепый инцидент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.